

2012
№10

ВСК@Я

ВСК@Я

Константин Кудряшов	
Как Иван Грозный Казань брал	1
Европа ждёт «новое нашествие	
Чингисхана»	4
Александр Доманин	
Армия Монгольской империи	5
Алексей Михалёв	
Инопланетные технологии	29
Николай Добрюха	
«Поставить точку, выстрелив в себя» .	33
Анна Ахматова	
Памяти М.А. Булгакова.....	36
Максим Калашников	
Диктатура ради демократии	37
Михаил Казовский	
Моя прекрасная леди	46
Людмила Вевере	
Любимая курляндка Александра I.....	49
В. А. Довгошей	
Как снимают «НЛО»	56
Талмуд, Сократ и двое в дымоходе	60

Поскольку Европа ждет нашествие Чингисхана, примерил монгольские доспехи. Помнится, в мартовском номере ВВ публиковал жизнеописание дочерей Павла I, а ведь здесь, под боком, в Митау, нынешней Елгаве, родились четыре дочери Петра Бирона, также оставившие свой яркий след в истории. Знакомьтесь со старшенькой – Катариной Фридерикой Вильгельминой Бенигной фон Бирон.

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
для друзей и знакомых

Как Иван Грозный Казань брал

Константин Кудряшов

Репродукция картины Виктора Васнецова «Царь Иван Грозный» из собрания Государственной Третьяковской галереи.

Татар завоевали... тоже татары и их природный царь. 460 лет назад, 2 октября 1552 г., произошло событие, о котором известно всем

Известно хотя бы со слов главного героя популярного и любимого кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»: «Казань брал, Астрахань брал, Шпака... Шпака не брал!» В общем, в этот день после многомесячной осады пала Казань.

Иоанн IV Васильевич (Грозный) - один из самых узнаваемых русских царей. А одно из самых громких дел его царствования - взятие Казани. Но этот неоспоримый факт оброс огромным количеством мифов и легенд. И некоторые из них пора бы развенчать.

Кто больше?

Если фильм снят талантливо, то каждое сказанное там слово приобретает статус правды. Так вышло с картиной Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный». Помните наглого, жирного, лоснящегося татарского посла, который издевательски коверкает русский язык и угрожает: «Казань - балшой. Масква - маленький. Масква кончица»? Однако правды здесь - лишь сам факт посольства, которое и впрямь вело переговоры в Москве ровно за год до штурма. Дело в том, что государство «балшой Казань» к тому времени уже лет 30 находилось в прочной зависимости от Москвы.

Более того, оно и не было таким уж «балшим»: целая серия походов русских привела к тому, что от Казанского ханства оттяпали внушительный кусок - так называемую горную сторону, то есть правобережье Волги. Так что у посла не было никаких оснований надувать щёки. Посольство даже не требовало, а униженно просило следующего: уступить горную сторону, а если русские не уступят, то пусть хотя бы позволят собирать там дань. Если же и здесь Москва упрётся, то пусть разрешит попользоваться хоть частью дани.

Москва же выдвинула встречные требования, среди которых одним из главных пунктов значилось освобождение всех русских пленников, предназначенных для продажи. Таковых насчитывалось к тому моменту никак не меньше ста тысяч - Казань давно вела прибыльный бизнес, захватывая людей в русских селениях и продавая их на невольничьих рынках Каспия и Крыма.

Татарча мылтык

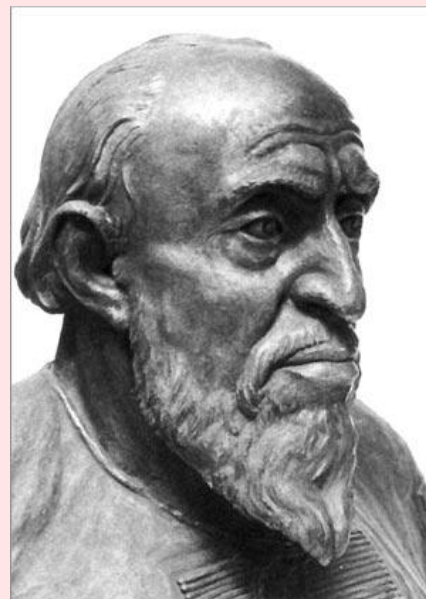
Это словосочетание переводится как «татарские ружья» или «татарская картечь». Так что все разговоры о том, что москвиты победили только потому, что имели пушки, можно смело считать ерундой. Казанское ханство, что бы там ни говорили, было очень даже прогрессивным и развитым государством. И обладало всеми современными на тот момент видами вооружений - были у татар и полевые пушки, и тяжёлые крепостные орудия, и личное стрелковое оружие. Если кто не верит, можно призвать в свидетели непосредственного участника штурма Казани, князя Андрея Курбского. Он периодически вспоминает, как татары открывали ураганный огонь из пушек, из пищалей и из «наряду ружейного». А в момент решающего натиска русских защитники Казани хотя и «не могли уже употреблять больших орудий, сбитых нашею пальбою, но без умолку стреляли из ружей, из пищалей затинных, и мы потеряли немало добрых воинов».

Так что всё дело тогда решало не наличие современного оружия, а умение им пользоваться. Русскими артиллеристами

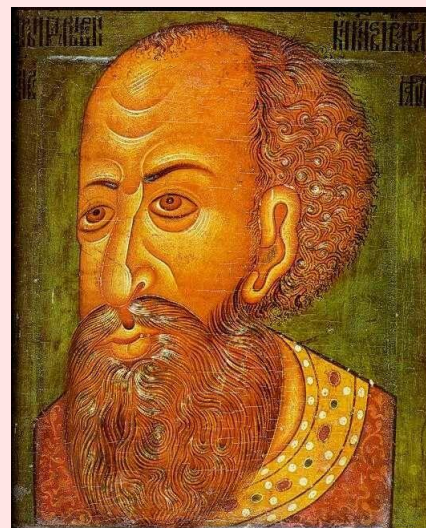
руководил Иван Выродков, потомственный пушкарь и, как тогда говорили, «розмысл» (по-нашему - военный инженер). Именно ему и его расчётам войска Москвы обязаны тем, что татарские «большие орудия» замолчали в первые же дни, когда разгорелась первая в отечественной военной истории артиллерийская дуэль. А ведь казанский хан Ядыгар-Мухаммед имел все шансы эффективно сопротивляться. 100 пушек Ядыгара против 150 Иоанна - неплохой расклад для обороняющейся стороны.

Грозный Чингизид?

Неоднократно приходится слышать нечто вроде: «После взятия Казань попала во власть русского царя, чужого монарха, который силой и незаконно захватил престол». То, что престол был захвачен силой, - спору нет. Но вот насколько незаконным он был? Согласно традиции власть в

Реконструкция сделана
М.М. Герасимовым в 1963
году

Парсуна Ивана IV Грозного
из собрания Национального
музея Дании (Копенгаген),
к. XVI-нач. XVII вв

Орде должна была принадлежать потомкам Чингисхана, то есть Чингизидам. Казанское ханство не исключение. Там всегда правила эта династия. Ситуация не изменилась и после завоевания Казани московскими войсками. Иоанн Грозный вполне законно претендовал и

на казанскую корону. Его мать Елена Глинская являлась отдалённым, но всё же потомком некоей Тулунбек-ханум, а та была дочерью хана Золотой Орды, бесспорного Чингизида, Бердибека. Если быть точным, то Иван Грозный являлся прапрапрапраправнуком этого самого Бердибека. Так что всё честно.

Русское меньшинство

Часто звучит обвинение: мол, русские, насладившись победой, устроили натуральный геноцид. Да, спорить с тем, что все взятые с оружием в руках были безжалостно истреблены, никто не будет. Но любопытно и взглянуть на войско, которое штурмовало Казань. Русских там была примерно треть. Где-то 7% в составе московского войска занимали наёмники - немцы, итальянцы и поляки. Ещё столько же - союзники Москвы, адыгейцы и кабардинцы, народы Северного Кавказа. А вот московских, нижегородских, ногайских и (внимание!) казанских татар - примерно 43%. При таком раскладе говорить о геноциде как-то глупо.

В общем, о методах взятия Казани и управления ею можно судить по одному непреложному факту: спустя каких-то 60 лет, в Смутное время, эта покорённая территория, вместо того чтобы вновь появиться на политической карте, предпочла другое. Казанцы влились в ополчение Минина и Пожарского, чтобы освободить столицу своих «поработителей» от захватчиков-поляков.

Грозный царь позволил неделю грабить взятый город, но себе взял только знамёна и пушки. Репродукция картины Петра Шамшина «Вступление Иоанна IV в Казань». 1894 г.

- 1005 г. В Волжской Булгарии основан форпост - Казань.
- 1223 г. Отражение нашествия войска Чингисхана.
- 1240 г. Взятие и разрушение города Батыем.
- 1278 г. Взятие и разрушение города Менгу-Темиром.
- 1552 г. Штурм и взятие Казани Иваном Грозным;
- 1774 г. Штурм и поджег города Емельяном Пугачевым.

Европа ждёт «новое нашествие Чингисхана»

«Аргументы Недели» № 38 (330) от 4 октября 2012

Похоже, окончательно разгадан секрет военных успехов Чингисхана. Как установила группа западных исследователей, великий монгольский полководец смог завоевать полмира благодаря глобальному потеплению, случившемуся на Земле в XIII веке. В то время в монгольских степях установился влажный и необычно тёплый климат.

Эти данные были получены благодаря изучению годовых колец деревьев. Широкие кольца указывают на благоприятные условия для их роста, а узкие – наоборот. Во времена Чингисхана степи оказались покрыты буйными травами и другой растительностью, которая служила отличным кормом для домашних животных. Табуны низкорослых и выносливых лошадей достигли невероятной численности – монгольское государство находилось на вершине своего могущества. Один воин-кочевник для участия в набеге мог использовать до 10 лошадей и другой дополнительный скот.

По мнению учёных, это не первые климатические изменения в истории планеты, которые привели к расцвету или упадку цивилизаций. Так, сильнейшая засуха в третьем веке нашей эры стала одной из причин краха Римской империи. То же самое произошло и с кочевниками Чингисхана. Как только в Монголии похолодало – империя распалась. Впрочем, эта теория не нова. Ещё несколько десятилетий назад к таким же выводам пришёл российский историк Лев Гумилёв. Но сейчас концепция о влиянии климата на исторические процессы получила окончательное подтверждение.

Битва при Лигнице в Польше 9 апреля 1241 между монголами (слева) и польско-немецким войском. Миниатюра из Hedwig-codex, 1353 г.

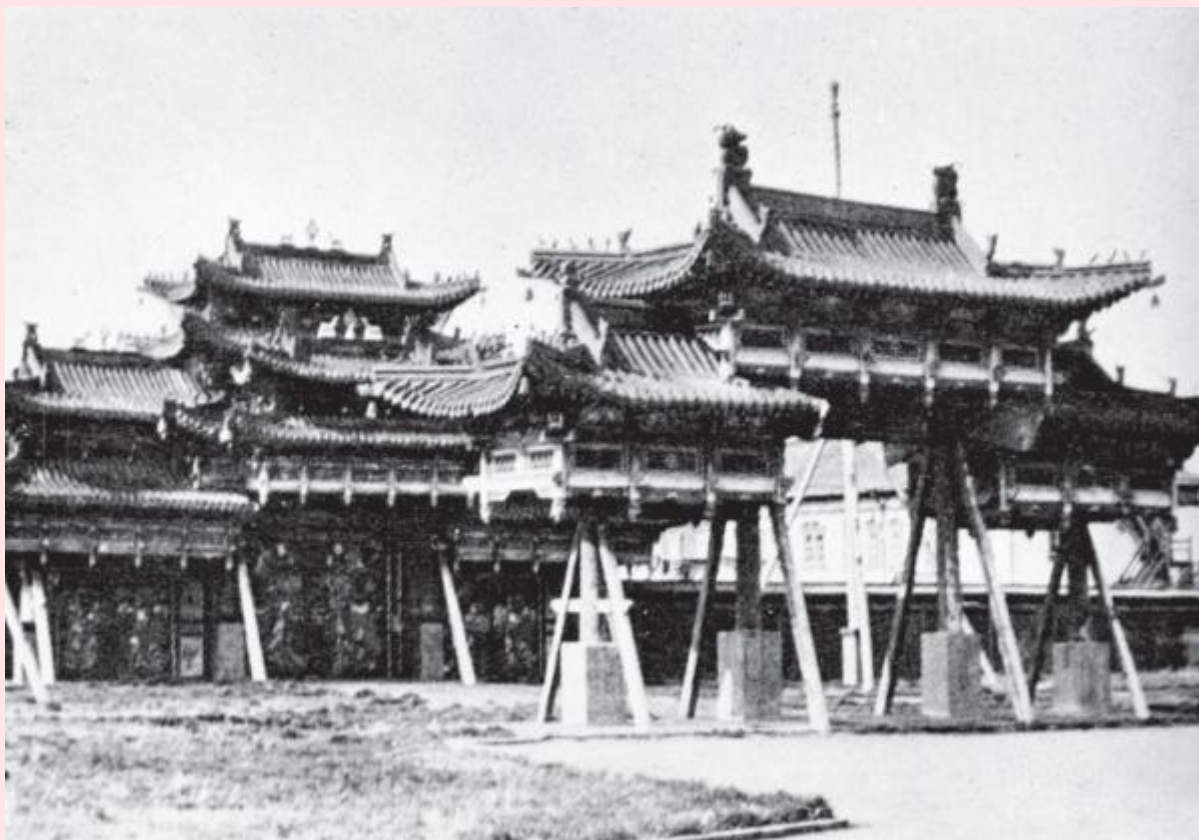
Это означает, что нынешнее глобальное потепление тоже способно вызвать серьёзные трансформации в мировом балансе сил. Но теперь может возвыситься Китай, который наверняка захочет расширить свои перенаселённые территории. Так что «новое нашествие Чингисхана» не за горами.

P.S. Миниатюра рисовалась на сто лет позже события, когда уже свидетелей не осталось, и художник изображал битву так, как понял из чьих-то пересказов. Рыцарей он рисовал с современников, а монголов – по описанию. Поэтому такие миниатюры требуют от историков серьёзной расшифровки (*Прим. редактора*).

Армия Монгольской империи

Александр Доманин

Монгольская армия эпохи Чингисхана и его преемников – явление в мировой истории совершенно исключительное. Строго говоря, это относится не только к собственно армии: вообще вся организация военного дела в Монгольской державе поистине уникальна. Вышедшая из недр родового общества и упорядоченная гением Чингисхана, эта армия по своим боевым качествам далеко превосходила войска стран с тысячелетней историей. А многие элементы организации, стратегии, воинской дисциплины опередили свое время на столетия и лишь в XIX – XX веках вошли в практику искусства войны. Так что же представляла собой в XIII веке армия Монгольской империи?

Дворец богдо-хана в Улан-Баторе

Писать об этом и легко и сложно. Легко потому, что из всего комплекса наших знаний о державе Чингизидов львиную долю составляют сведения о ее военных достижениях. Десят-

ки, если не сотни авторов, очевидцев монгольских завоеваний, оставили нам тысячи страниц текстов. Но тут и начинаются сложности. Во-первых, практически все эти тексты написаны *противниками* монголов или, во всяком случае, людьми чрезвычайно далекими от монгольского менталитета. Отсюда и необъективность, ошибки, порой намеренная ложь. Пожалуй, ни одна армия в истории не окружена таким количеством мифов, притом чаще всего мифов враждебных, как монгольская армия. И, к сожалению, эти вымыслы о монголах оказались на редкость живучими, а сто раз повторенная ложь стала восприниматься как истинная правда. Она вошла в учебники истории, по которым учились и учимся до сих пор и мы с вами. Можно привести два примера, с которыми знаком, наверное, каждый.

С легкой руки русских историков XIX века закрепилось утверждение о том, что дисциплина в монгольской армии поддерживалась невероятными по жестокости мерами: если в бою два-три человека из десятка отступили – казнят весь десяток. Таких методов устрашения не знала действительно ни одна армия (децимация в древнем Риме – лишь казнь каждого десятого *труса*, бежавшего с поля боя). Но... не знала их и монгольская армия. Весь этот миф основан на недоразумении, точнее – на неверном прочтении того отрывка из Плано Карпини, на который ссылались русские историки. Видимо, знание латинского языка тогда было все же не на той высоте, какую мы привыкли предполагать. Что же *на самом деле* пишет Плано Карпини? «Если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то *все бегущие* (курсив мой – авт.) умерщвляются». {Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С.49.} Иными словами, Карпини прямо говорит: казни подлежали именно трусы, бежавшие с поля боя, но никак не их соратники-храбрецы. Разумеется, и эта мера была весьма жестокой, хотя бы в сравнении с той же децимацией, но она абсолютно логически и морально оправданна. Но казнь смельчаков, державших строй, да еще при явно очень тяжелой боевой обстановке – это уж ни в какие ворота не лезет! Тем не менее, легенда распространилась – и вот мы видим, что, оказывается, монголы занимались бессмысленными (а с военной точки зрения – абсурдными, находящимися за пределами здравого смысла) убийствами.

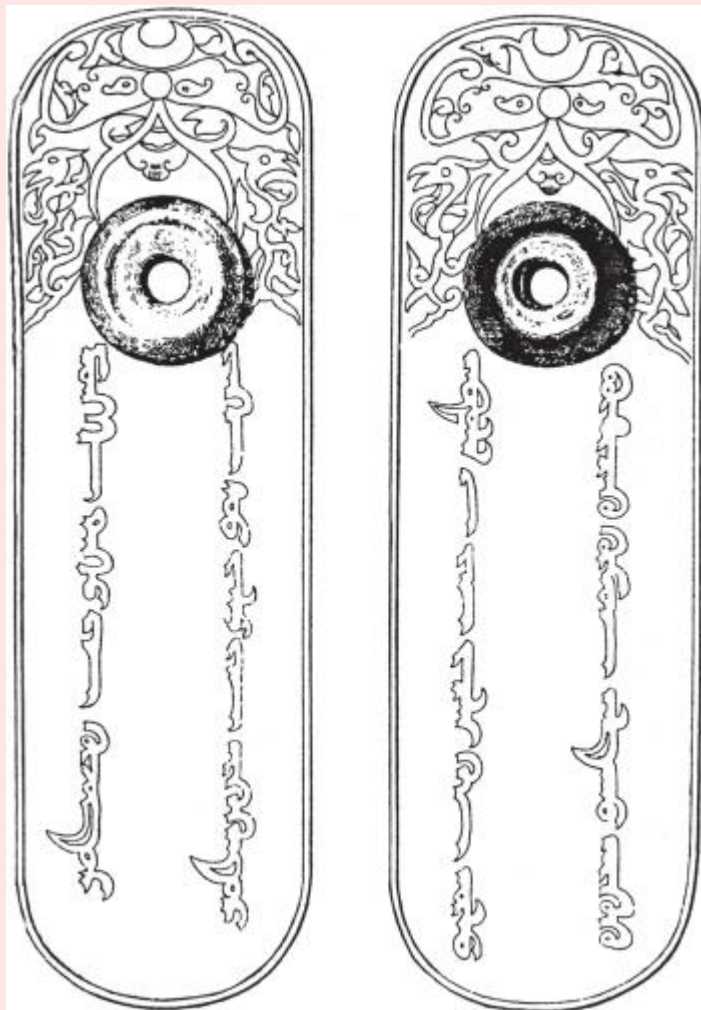
Другой миф: якобы монголы, захватывая так называемые цивилизованные страны, уничтожали все на своем пути: этакая стихийная сила, разрушающая из любви к самому процессу разрушения. Эта точка зрения базируется на тех сведениях, которые дают нам персидские и арабские авторы той эпохи. И тоже верна лишь в малой степени. Так, например, сообщается, что после взятия Мерва *все его население* было убито или уведено в рабство. А через год Мерв восстал против захватчиков, и снова пришли монголы, и снова всех убили. Кого? К этой же категории относятся и рассказы о сотнях тысяч и миллионах жертв монголов при захвате иранских городов. Да, монголы отнюдь не были ангелами; да, их жестокость, вероятно, превосходила нормы того времени. Но вот бессмысленной ее назвать никак нельзя. Больше того, система репрессий была тщательно продумана и направлялась она против тех, кто оказывал монгольской армии наибольшее сопротивление. Террор был одной из составляющих военной стратегии монголов, заметно облегчавшей им завоевания. Активно сопротивлявшихся уничтожали, отдавшихся на волю победителя только облагали десятиной и – живите, как жили. И такая тактика давала огромный успех: десятки и сотни городов, которые могли всерьез задержать или сильно раздробить силы монголов, сдавались без боя, что позволяло сохранить темп наступления и, заметим, сберегало жизни тысячам монгольских воинов.

Таковы только два примера мифов о монгольской армии – мифов, утвердившихся в массовом сознании вплоть до настоящего времени. А ими список нелепостей и прямого вранья далеко не исчерпывается. Между тем, эти ложные сведения ведут к очень серьезному искажению и нашего представления о монголах как народе, показывая их в совершенно неверном свете, и вообще о характере эпохи монгольских завоеваний. А только объективный взгляд на

происходящее позволяет понять, как мог возникнуть и уверенно развиваться такой феномен, как мировая империя монголов.

Вторая трудность в рассказе о монгольской армии состоит в том, что в созданной гением Чингисхана державе, армия, войны были не просто важным элементом; нет, они составляли самую сущность империи Чингизидов. Вся держава строилась на военных принципах, все мужчины были воинами, вся структура империи работала только на войну. В определенном смысле, собственно держава Чингисхана и армия Монгольской империи составляли единое целое, и отделить одно от другого – вот это относится к армии, а то уже к самому государству – не всегда представляется возможным.

Обе стороны монгольской пайцзы

Попробуем все же разобраться в этих непростых вопросах. И первым из них будет вопрос о численности монгольской армии в разные периоды и на разных направлениях экспансии империи Чингизидов.

Эта тема, как и многие другие, касающиеся военного устройства Монгольской державы, тоже не избежала деформаций и в массовом сознании, и в сведениях, предоставленных авторами первоисточников, и в трудах историков-монголоведов. Есть, например, устоявшееся мнение об огромной численности монгольских армий, об их значительном количественном превосходстве над своими противниками. А отсюда часто следует и вывод, что именно за счет этого численного перевеса монголами и одерживались их постоянные победы. Между тем, это мнение *абсолютно неверно*. Наоборот, войска государств, на которых обрушивалось монгольское нашествие, как правило, превосходили своей численностью, и порой весьма значительно, наступавшие монгольские армии. Цзиньский Китай накануне вторжения Чингисхана располагал почти миллионной армией; от четырехсот

до пятисот тысяч человек могла выставить на поле боя огромная держава Хорезмшахов. Средневековая Русь располагала мобилизационными возможностями в двести_двести пятьдесят тысяч вооруженных воинов. В то время как все население восточной части Великой степи, которая с 1206 года и составляла собственно державу монголов (во всяком случае, знаменитая войсковая разверстка Чингисхана включала в себя только эту часть) едва ли намного превышало миллион человек. А это значит, что даже максимально возможная мобилизация могла дать немногим более двухсот тысяч воинов. На практике же, даже при том высочайшем уровне милитаризации общества, который существовал при Чингисхане и его преемниках, армии были значительно меньше, так как существовал еще и мобилизационный резерв из старших сыновей.

Появление версии об огромном количественном превосходстве монголов, безусловно, лежит на совести многочисленных авторов того времени, представляющих противников

монголов. Китайские, арабские, персидские, русские, западноевропейские хроники и летописи пестрят сообщениями о бесчисленных монгольских ордах, о том, что монголов было «как звезд на небе» (к слову, на небе невооруженным взглядом можно разглядеть только три тысячи звезд – не возникала ли такая аберрация и у описывающих монгольские армии?). Такие свидетельства противников монголов вполне понятны с психологической точки зрения. Ведь им необходимо было объяснить, как их, такие замечательные, цивилизованные и могучие державы могли рухнуть под ударами диких необразованных варваров, какими они считали монголов. Численное превосходство врага и давало такое объяснение, льющее как бальзам на души проигравших: «Наши воины бились как герои, но монголов было в пять (десять, двадцать) раз больше, и мы проиграли». Нет нужды говорить, насколько такая пропаганда, хорошо известная по тысячам других примеров из разных эпох и стран, соответствует реальной действительности. Наверное, если бы держава Дария не была *полностью* покорена Александром Македонским, то персидские авторы того времени с удовольствием писали бы о миллионных македонских армиях. Между тем, армия Александра Великого никогда не превышала пятидесяти тысяч человек, и количественно значительно уступала персидской, в той же мере превосходя ее *качественно*. С полным основанием этот вывод можно отнести и к монгольской армии. В конце концов, как это ни обидно звучит для нашего уха, но восьмидесятитысячная русско-половецкая армия была на Калке наголову разгромлена двадцатитысячным (!) корпусом Субэдэя и Джебэ. {Спор о том, был ли в корпусе Субэдэя и Джебэ третий, дополнительный тумен, историки ведут до сих пор, но принципиально это ничего не меняет – монгольская армия на Калке в несколько раз (!) численно уступала русско-половецкому войску.}

Преувеличенные данные о численном составе монгольских армий, приводимые нашими источниками, могут объясняться и другими причинами. Они связаны и со спецификой самого монгольского войска, и с особенностями военной стратегии монголов. Так, известно, что в походе у *каждого* монгольского воина было от одного до четырех запасных коней: обычной нормой считались две запасные лошади); кроме того, с войском шли многочисленные табуны «центрального резерва». Поэтому армия монголов всегда *казалась* намного большей, чем она была на самом деле. У страха глаза велики, и пятидесятитысячное войско с двумя сотнями тысяч лошадей превращалось в двухсоттысячную армию. Зачастую же монголы, с целью запугать противника перед сражением, применяли военную хитрость. Ночью на походе, перед лицом врага, они разжигали в несколько раз больше костров, чем требовалось, и тем самым создавали иллюзию бесчисленности своих полчищ. Такой метод дезинформации и запугивания противника был у монголов широко распространен и применялся довольно часто: например, он сыграл огромную роль в уже описанном найманском походе. Ради объективности следует сказать, что при необходимости, когда нужно было, наоборот, успокоить врага, заставить его поверить в свое кажущееся превосходство (с тем, чтобы отпала нужда в дополнительных военных приготовлениях), монгольские полководцы, и в особенности Чингисхан, стремились всячески преуменьшить свои силы. Это еще до начала войны значительно демобилизовывало противника, и тем страшнее на него действовало, когда он сталкивался с реальной мощью монгольских армий. Самый известный пример такого рода дезинформации – сведения о монгольском войске, сообщенные знаменитым монгольским шпионом и дипломатом (в ту эпоху эти понятия были почти равнозначны) Махмудом Ялавачем хорезмшаху Мухаммеду ибн Текешу. Махмуд Ялавач, говоря о численности монгольского войска в сравнении с войском хорезмшаха, уподобил монгольскую армию струйке дыма в ночи. Хорезмшах поверил в свое полное превосходство над возможным противником, и ... результат известен.

Наряду с преувеличением численности монгольских армий и господством такого взгляда на протяжении долгих столетий, уже в XX веке проявилась и обратная тенденция – всячески преуменьшать силы монголов. Историки-монголоеды так называемой «евразийской шко-

лы» этим особенно увлекались и тоже порой доводили ситуацию до абсурда. С их легкой руки, например, пошла гулять версия, что все войско Батые, ушедшее в Великий Западный поход, насчитывало, якобы, не более тридцати тысяч человек, а собственно монголов среди них вообще было только четыре тысячи (!). Но аргументация «евразийцев» при этом совершенно невразумительна и служит, по существу, одной цели: показать, какими крутыми, великими и непревзойденными воинами были монголы Чингисхана. Однако, ни гений Чингисхана, ни действительно выдающиеся боевые качества монгольских армий не нуждаются в таких сомнительных обоснованиях.

Перейдем теперь, с учетом вышесказанного, к оценке *реальной* численности монгольских войск в эпоху Чингисхана и его преемников. {Довольно качественный анализ этой проблемы произведен российским исследователем Р.П. Храпачевским в книге «Военная держава Чингисхана». Большинство его выводов достаточно объективны, однако с некоторыми оценками трудно согласиться.} Уже было сказано, что даже максимально возможная мобилизация всех сил Йеке Монгол Улус могла дать только двести, в самом крайнем случае – двести пятьдесят тысяч воинов. Однако такая свертотальная мобилизация полностью подорвала бы всю систему хозяйства кочевников Великой степи и никогда не применялась на практике. Чингисхан, конечно, строил свое «всемирное государство» в первую очередь как военную державу, но в его планы не входила безудержная экспансия ценой гибели кочевого образа жизни и разрушения базовых основ существования монгольского народа. Монгольский владыка, не забывая, разумеется, про себя и свой «алтан уруг», хотел все же сделать своих кочевников богатыми, довольными и счастливыми. Но и расширение «монголосферы» до максимально возможных пределов также входило в его планы. Некоторое противоречие, существовавшее между этими двумя целями, заставило его искать золотую середину, которая позволила бы и кочевой быт не разрушить, и иметь армию, способную выполнять любые боевые задачи. Такой золотой серединой стала разверстка всего кочевого населения империи на «тысячи», которые делились на сотни и десятки, а сами, в свою очередь, объединялись в тумены.

Насколько можно судить, именно «тысяча» составляла главную структурную единицу Монгольской империи. В гражданской жизни это была тысяча кибиток как крупное кочевое образование под общим управлением начальника, поставленного ханом. В военной – просто тысяча (арифметическая) воинов, которую эта тысяча кибиток обязана была поставить в случае войны. Впервые такое четкое разделение монгольского народа и войска было произведено уже в момент создания Монгольской империи, в 1206 году. На великом курултае Чингисхан разверстал все свое войско на тысячи и назначил начальствовать над ними девяносто

Монгол в чешуйчатом доспехе. Персидский рисунок XIV в.

пять нойонов-тысячников. Восемьдесят шесть тысяч были собственно монгольскими, и тысячники в них были назначены из числа сподвижников хана; в двух сравнительно небольших подразделениях – три тысячи икиресов и шесть тысяч онгутов – еще сохранялись некоторая автономия и родовой принцип организации. Кроме того, вне этих девяноста пяти тысяч находился отдельный корпус кешиктенов, набиравшийся из сыновей нойонов, воинов-багатуров и людей свободного состояния. Корпус этот тогда же был расширен до полноценного тумена, то есть десяти тысяч человек, и, таким образом, вся монгольская армия перед началом завоевательных походов Чингисхана насчитывала сто пять тысяч конных воинов.

Позднее, с включением в орбиту империи еще нескольких народов степи, Чингисханом была произведена вторая, и последняя, разверстка монгольского народа и армии, в которую теперь включили племена лесных кочевников, енисейских кыргызов и некоторые другие. Окончательный количественный состав монгольской армии был определен в сто двадцать девять тысяч воинов (а соответственно, все население делилось на сто двадцать девять тысяч кибиток) и больше уже никогда не пересматривался, поскольку решения Чингисхана были неотменяемы на протяжении всей истории Монгольской империи. Добавим к этому десять тысяч кешиктенов, стоявших вне этой основополагающей структуры, и получим приблизительно стосорокатысячную армию. И это уже объективный факт – *собственно монгольская* армия при Чингисхане и его наследниках и вплоть до раскола державы не превышала ста сорока тысяч воинов.

Но слова «собственно монгольская» выделены здесь не случайно. После гигантских завоеваний на востоке и западе в состав армии на правах вспомогательных сил (но не в число упомянутых ста двадцати девяти тысяч) вошли отряды уйгуров, карлуков, чжурчжэней, китайцев и так далее. Наши источники насчитывают сорок шесть таких вспомогательных отрядов. Их численность, к сожалению, неизвестна, но далеко не тайна то, что они никогда не составляли боевую основу монгольской армии, и лишь при Угедэе, с присоединением к Йеке Монгол Улус чрезвычайно многочисленного кыпчакского народа (половцев), число немонгольских воинов по меньшей мере сравнялось с числом монгольских. Сами кыпчаки, кстати, на тысячи разверстаны не были, а вошли в состав тысяч, созданных Чингисханом. Отчего, кстати, некоторые формальные «тысячи», особенно в улусе Джучи после похода Батыя, могли насчитывать три, пять, а то и десять тысяч кибиток. Тем не менее, войско, выставаемое ими, по-прежнему равнялось тысяче и, хотя в поздний период Империи, вероятно, значительно превышало это число, по названию оставалось пресловутой «тысячей».

Оценить в этой ситуации полную численность армий Монгольской империи в период ее наивысшего расцвета достаточно сложно. С уверенностью можно говорить лишь, что эти дополнительные контингенты, вне установленных Чингисханом, насчитывали не менее шестидесяти тысяч и вряд ли более тех же ста сорока тысяч человек. Таким образом, общая численность всех армий монголов к середине XIII века составляла от двухсот до двухсот восьмидесяти тысяч воинов, из которых «реестровыми» монголами числились сто сорок тысяч человек, а собственно монголов, или монголов-нирун, насчитывалась едва ли четверть, то есть пятьдесят-шестьдесят тысяч.

Такова оценка численности *всех* монгольских армий в разные периоды существования империи. Но не меньший интерес вызывает и то, какими силами располагали монголы в своих знаменитых завоевательных походах при Чингисхане и его преемниках. Ясно, что, за исключением похода на Цзиньский Китай в 1211 году, монголы никогда больше не имели возможности бросить на врага всю свою армию: после этого война уже всегда шла на нескольких фронтах. И чем больше расширялась монгольская экспансия, тем соответственно меньшие контингенты они могли выставить на новых направлениях своего перманентного наступления. И действительно, хотя и несколько снивелированная постоянным включением в войско людей из покоренных народов, такая тенденция вполне прослеживается.

Самым, пожалуй, крупным по числу задействованных в нем воинов стал поход на государство Хорезмшахов в 1219 году. К этому моменту завоевание Цзиньского Китая – главного врага монголов – далеко еще не закончилось, и потому Чингисхан вынужден был раздробить свои силы. Очень значительный воинский контингент был им оставлен в Китае, под общим командованием Мухали. По оценкам историков, это войско насчитывало от шестидесяти до ста тысяч солдат; однако в оценке того, сколько же воинов относилось к собственно монголам, мнения резко расходятся. Р.П. Храпачевский, например, считает, что подавляющее большинство в армии Мухали составляли вспомогательные войска из числа бывших противников, перешедших на сторону Чингисхана. Собственно же монголов было только тринадцать тысяч, притом пять тысяч из них использовались лишь для охраны коренного юрта – то есть в войне как таковой участия не принимали. С такой оценкой, хотя бы из военно-стратегических соображений, невозможно согласиться.

В самом деле, при таком раскладе получается, что Мухали реально располагал лишь восемью тысячами монгольских конников и едва ли не вдесятеро большей армией из вчерашних противников, передавшихся монголам. И это во враждебной стране, далеко еще не покоренной и располагающей на тот момент превосходящими силами, хотя и деморализованными предыдущими поражениями. Что же могло помешать этим новоявленным союзникам предать своих новых хозяев и с легкостью уничтожить столь небольшую армию (в сущности, отряд) Мухали? История знает немало подобных примеров. Поверить в столь явную стратегическую недальновидность Чингисхана никак нельзя. Монгольский хан и до, и после не раз показывал свои возможности как мастера стратегического планирования. Но получается, что в этом случае он пошел на ничем не оправданный риск, грозивший чрезвычайно опасными последствиями. И это тот хитрый и осторожный полководец, который в своих наставлениях специально подчеркивал, как необходимы в военных делах осторожность и осмотрительность. Следовательно, в подобном раскладе явно прослеживается ошибка.

В своем анализе численности войск, которые Чингисхан оставил Мухали для ведения войны в Китае, Р.П. Храпачевский опирается на свидетельство Рашид ад-Дина. Рассмотрим его и мы. Рашид ад-Дин пишет: «Он (Чингисхан) дал ему (Мухали) один тумен войска из племени онгут, одну тысячу сборную, четыре тысячи из племени икирас, ...одну тысячу мангутов, ...три тысячи из кунгиратов, ...две тысячи джалаиоров». {Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С.179.} И далее: «Он вверил ему также то, что было покорено из областей Хитая и владений Джурджэ с тем, чтобы он их охранял и завоевал бы по мере возможности то, что не подчинилось». {Там же.}

Вначале отметим, что в этом отрывке нигде не говорится, что пять тысяч воинов из указанного числа предназначались для охраны коренного монгольского юрта. Наоборот, с полной ясностью утверждается, что все эти войска должны были воевать именно в Китае и других задач перед ними не ставилось. Таким образом, эти полтумена смело можно добавлять к военной группировке монголов в Китае. Далее. По непонятным причинам российский исследователь исключает из числа собственно монгольских воинов целый тумен (то есть десять тысяч бойцов) онгутов, давних и верных союзников Чингисхана, оказывавших ему поддержку еще до судьбоносной войны с найманами. Между тем, онгуты еще с 1206 года входили в число девяноста пяти реестровых тысяч всемонгольского войска, хотя и имели некоторую внутреннюю автономию. В этом смысле они ничем не отличались от тех же икиресов, также переданных Мухали. Но икиресов наш автор почему-то уверенно относит к монголам, а такой же монголоязычный народ онгутов, к тому же связанный с Борджигинами и родственными узами, – почему-то нет. Так что добавляем к монголам Мухали еще десять тысяч первоклассных воинов.

Но и это не все. Рашид ад-Дин говорит, что Чингисхан «дал» Мухали воинов-монголов для войны в Китае. Но не забудем, что и сам Мухали был тысячником с 1206 года, а позднее – темником-нойоном, и его собственную тысячу (а может быть и целый тумен) ему не нужно

было «давать», она у него уже имелась, причем тысяча Мухали была отборной, первой в войске левого крыла армии Чингисхана. Наконец, обратим внимание на свойственные Рашид ад-Дину ошибки и противоречия: в другом месте он говорит, что в Китае с Мухали осталось все левое крыло монгольского войска, {Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 256.} то есть шестьдесят две тысячи человек, что, конечно, не соответствует действительности. К тому же, согласно другому реестру, приведенному в китайской рукописи «Шэн-у цинь-чжэн лу» («Описание личных походов священно-воинственного»), Мухали была оставлена не одна, а четыре тысячи мангутов, то есть столько же, сколько их старых друзей и воинских соперников (в хорошем смысле) урутов. В эти сведения верится больше: в конце концов, кому как не китайцам лучше знать, сколько войск действовало именно на китайском фронте (тем более, что, по некоторым данным, первоначально автором книги был видный монгольский полководец Чаган).

Итак, если подвести итог этого анализа, то получится, что реально Мухали имел в Китае от двадцати четырех до тридцати шести тысяч воинов из собственно монгольского войска плюс дальний резерв в пять тысяч, стоявший в коренной Монголии. Вот против такой монгольской армии даже пятьдесят-шестьдесят тысяч новых союзников вряд ли посмели бы выступить, памятуя о высочайших боевых возможностях монголов.

А из этих расчетов уже нетрудно выяснить и численность войска монголов, которое отправилось в поход на государство Хорезмшахов. Из ста двадцати девяти реестровых тысяч от двадцати девяти до сорока одной тысячи оставались в Китае и Монголии, остальные, без сомнения, были направлены в Среднюю Азию. Прибавим к ним полный тумен кешиктенов Чингисхана, поскольку в этом походе участвовал и сам хан. Итого получается сто – сто десять тысяч только собственно монголов. Труднее оценить число вспомогательных войск, но известно, что в этом походе участвовал один тумен уйгуров, шесть тысяч карлуков, один сборный тумен из восточнотуркестанских воинов, специальный технический корпус (осадных машин) из китайцев и чжурчжэней и, видимо, еще некоторое число более мелких отрядов. Эти силы примерно можно оценить в сорок-пятьдесят тысяч человек, и, таким образом, все войско Чингисхана, двинувшееся в среднеазиатский поход, насчитывало около ста пятидесяти тысяч воинов. А мобилизационные возможности хорезмшахов, по самым минимальным оценкам, составляли четыреста тысяч солдат только регулярной армии. Вот вам и «бесчисленные монгольские орды», которые якобы брали верх за счет количественного превосходства!

Аналогичный подсчет, основанный на тщательном анализе источников, можно сделать и по самой, пожалуй, знаменитой военной кампании монголов – Великому Западному походу 1236 – 1242 годов. Здесь также не обошлось без излишне эмоциональных и, мягко говоря, сомнительных оценок. Русская летопись повествует о несметной силе войск Батыя, приведенных на Русь, так что под ними «дрожала и стонала земля». Но это явное поэтическое преувеличение привело к тому, что некоторые русские историки оценили численность Батыевых туменов умопомрачительной цифрой в шестьсот тысяч человек. Такое количество воинов не могла дать даже вся Великая степь вместе взятая. А чем кормить почти два миллиона (!) лошадей? В такой оценке явно отсутствует элементарный здравый смысл, и с ней можно сравнить только указание древнегреческих историков о пяти с половиной миллионах персидских воинов, направленных Ксерксом на завоевание Эллады. С военной точки зрения и то, и другое – полный бред. Но нельзя согласиться и с противоположным, уже упомянутым, мнением некоторых историков-евразийцев, утверждающих, что регулярная армия Батыя насчитывала только тридцать тысяч бойцов. Данные наших источников никак не позволяют примириться с такой оценкой.

Итак, мнения монголоведов, как мы видим, расходятся в целых двадцать раз, и истину, как всегда, стоит искать посередине. Тем более, что и первоисточники вполне позволяют дать более справедливую оценку. Мы знаем, что в походе участвовало одиннадцать (или

двенадцать) царевичей Чингизидов, у каждого из которых имелся собственный тумен. Тумен формально равнялся десяти тысячам воинов, но, даже несмотря на стремление самого Чингисхана максимально упорядочить структуру войска, тумены оставались самыми нечеткими в количественном исчислении армейскими единицами. Десять тысяч солдат – это был тумен идеальный, но чаще тумены были меньше, особенно когда к реестровым монгольским тысячам механически присоединялись союзники из числа других кочевников. А именно так обстояло дело в Великом Западном походе. По реестру же эти монгольские царевичи владели примерно сорока тысячами монгольских воинов, приписанных к Чингисхановым тысячам. Вероятно, притом, что некоторая часть монгольских воинов оставалась для охраны собственных юртов царевичей Чингизидов. Так что цифра в тридцать – тридцать пять тысяч монголов, участвовавших в походе, представляется наиболее достоверной. А по свидетельству венгерского монаха Юлиана (1236 год), монголы составляли примерно одну треть всего войска Чингизидов. То есть все войско перед началом похода оценивается в сто тысяч регулярных конных бойцов. Несомненно, участвовали в походе и вспомогательные части, например, инженерные; примыкали к походу и разного рода искатели приключений и любители пограбить. Но их сложно оценивать как настоящую военную силу. И, видимо, самой верной оценкой численности монгольского войска в Великом Западном походе, возможной при сегодняшнем уровне изученности вопроса, будет число в сто – сто двадцать тысяч воинов. Отметим здесь, что мобилизационные возможности одной только Руси превышали эти цифры, как минимум, в два раза. Так что и здесь не приходится говорить о колоссальном численном превосходстве, хотя во многих отдельных случаях войска монголов превосходили противника и количественно.

Монгольские воины в доспехах. Персидский рисунок XIV в.

Такова наша оценка численности монгольских армий периода империи. А теперь перейдем к вопросам, связанным со структурой, управлением, дисциплиной и иными элементами военной организации у монголов. И здесь представляется важным еще раз сказать, что все основы военного дела в Монгольской империи были заложены и разработаны Чингисханом, которого отнюдь нельзя назвать великим полководцем (на поле боя), но можно с уверенностью говорить о нем как об истинном военном гении.

Уже начиная с великого курултая 1206 года, на котором Темучин был провозглашен Чингисханом созданной им Монгольской империи, в основу организации войска была поло-

жена строгая десятичная система. В самом принципе деления армии на десятки, сотни и тысячи ничего нового для кочевников не было. Еще за полтора тысячелетия до Чингисхана в Хуннской державе Модэ это правило стало основополагающим. Однако Чингисхан сделал этот принцип поистине всеобъемлющим, разверстав на подобные структурные единицы не только армию, но и все монгольское общество. Следование системе было чрезвычайно жестким: ни один воин не имел права ни при каких обстоятельствах покинуть свой десяток, и ни один десятник не мог принять в десяток кого бы то ни было. Единственным исключением из этого правила мог быть приказ самого хана; в редких случаях, вызываемых военной необходимостью, – приказ автономно действующего полководца или же решение великого курултая нойонов. Такая схема делала десяток или сотню действительно сплоченной боевой единицей: солдаты годами и даже десятилетиями действовали в едином составе, прекрасно зная способности, плюсы и минусы своих соратников. Кроме того, этот принцип чрезвычайно затруднял проникновение в собственно монгольскую армию вражеских лазутчиков и просто случайных людей.

Чингисхан отказался и от родового принципа построения армии – точнее, от того, чтобы этот принцип оставался основным, как это было при Модэ или в Вечном Эле тюрок. Родо-племенной способ организации войска не был полностью отменен, как считают некоторые монголоеды, но носил теперь явно зависимый характер. В некоторых подразделениях – уруты, мангуты, икиресы, онгуты – он еще сохранялся, но в основных боевых частях применялся лишь от случая к случаю. Нормой стало составление десятка или сотни из воинов разных родов и племен, а во главе каждого такого подразделения, как правило, стоял проверенный ветеран из числа старых сподвижников Темучина – балджунахцев, выслужившихся кешиктенов или ханских нукеров. И в армии полностью отменялся принцип родового подчинения: указания родовых вождей не имели для воинов никакой силы; приказы военного начальника – десятника, сотника, тысячника – должны были выполняться беспрекословно, под угрозой немедленной казни за невыполнение.

Первоначально основной воинской единицей монгольской армии была тысяча – об этом говорит и «Сокровенное Сказание», согласно которому в 1206 году Чингисхан назначил девяносто пять тысячников из числа самых проверенных и преданных людей. Среди этих тысячников были и очень известные имена: Мунлик, Боорчу, Мухали, Джелмэ, Субэдэй, Жебэ, Сорганшира; есть и такие, о которых мы не знаем ничего. Уже вскоре после великого курултая, исходя из военной целесообразности, Чингисхан сделал лучших своих тысячников темниками, а два старых соратника – Боорчу и Мухали – возглавили, соответственно, правое и левое крылья монгольского войска.

Макроструктура монгольской армии, включавшая в себя войска правой и левой руки, а также центр, была утверждена все в том же 1206 году. Подобное деление тоже шло из глубины веков: так строилась еще армия Модэ. Однако позднее, в 1220-е годы, стратегическая необходимость, вызванная ростом количества театров военных действий, заставила Чингисхана фактически отказаться от этого принципа. Старый тип организации в наиболее четком виде фиксируется накануне похода на государство Хорезмшахов. Из общего числа в сто тридцать девять тысяч воинов шестьдесят две тысячи входили в левое крыло, тридцать восемь тысяч составляли правое, корпус кешиктенов и войска братьев, сыновей и племянников Чингисхана – всего тридцать восемь тысяч человек – образовывали центр. Недостающей тысячей была, видимо, та специальная тысяча урянхайцев, которая охраняла священную гору монголов Бурхан-Халдун. После смерти Чингисхана эти урянхайцы стали хранителями могилы своего великого вождя и никогда не принимали участия в военных действиях.

После среднеазиатского похода и появления нескольких фронтов эта структура была изменена. Чингисхан был вынужден отказаться от принципа единого войска. Формально крупнейшей воинской единицей оставался тумен, но для выполнения самых важных стратегических задач создавались крупные армейские группы, как правило, из двух-трех, реже из четы-

рех туменов, и действующие как автономные боевые единицы. Общее командование такой группой – сегодня мы назвали бы ее экспедиционным корпусом – получал наиболее подготовленный темник, который в этой ситуации становился как бы заместителем самого хана. Такими автономными армиями являлись корпус Мухали в Китае, а также корпуса Чормагана и Джебэ. Военачальники таких обособленных групп – а ими могли быть и отдельный тумен, и даже тысяча – имели очень широкий спектр полномочий и пользовались большой свободой действий, с тем, чтобы не сковывать инициативу начальника в непредсказуемых условиях боевого похода. В целом, такая ситуация, казалось бы, весьма нехарактерна для монгольского войска с его железной дисциплиной, которой в полной мере подчинялись и темники, и тысячники. Но это только доказывает, что для Чингисхана принцип военно-стратегической целесообразности стоял выше принципа формального подчинения. Но в то же время и спрос с военачальника за выполнение боевых заданий был велик. Даже своего любимца Шиги-Хутуху, после того, как тот потерпел неожиданное поражение от Джелаль ад-Дина при Перване, Чингисхан навсегда отстранил от высшего военного командования, сохранив за ним только его личную тысячу.

Вообще, принципы формирования командного состава армии, установленные Чингисханом, чрезвычайно любопытны. Отдавая безусловное предпочтение своим проверенным соратникам, Чингисхан, тем не менее, ясно давал понять, что для любого его воина карьера открыта, вплоть до самых высоких должностей. Об этом он недвусмысленно говорит в своем наставлении (билике), что фактически делало такую практику законом государства: «Всякий, кто может вести верно дом свой, может вести и владение; всякий, кто может устроить десять человек согласно условию, прилично дать тому и тысячу, и тумен, и он может устроить хорошо». И наоборот, всякого не справляющегося со своими обязанностями командира ждало разжалование, а то и смертная казнь; новым начальником назначался человек из той же войсковой единицы, наиболее подходящий для этой командной должности. И эта система действовала не только среди низшего командного состава: то же правило было установлено и для тысячников и темников. Заметим, что Чингисхан ввел и еще один важный принцип командования – принцип, который в современной армии является основополагающим, но в полном объеме вошедший в уставы европейских армий только к XIX веку. А именно, в случае отсутствия командира по какой-либо, даже самой незначительной причине, вместо него тут же ставился временный командир. Это правило действовало даже если начальник отсутствовал всего несколько часов. Такая система четко работала на постоянное поддержание боевой готовности и была весьма эффективна в непредсказуемых условиях военных действий.

Совершенно уникальным для средневековья, с его безудержным восхвалением индивидуальных боевых качеств воина, выглядит еще один принцип отбора командного состава. Правило это настолько удивительно и столь явно доказывает военно-организаторский талант Чингисхана, что его стоит привести здесь полностью. Чингисхан сказал: «Нет бахадура, подобного Есунбаю, и нет человека, подобного ему по дарованиям. Но так как он не страдает от тягот похода и не ведает голода и жажды, то считает всех прочих людей, нукеров и ратников подобными себе в перенесении тягот, они же не в силах [их переносить]. *По этой причине он не годен быть начальником* (курсив мой – авт.). Достоин же быть таковым тот человек, который сам знает, что такое голод и жажда, и судит по этому о состоянии других, тот, который в пути идет с расчетом и не допускает, чтобы войско голодало и испытывало жажду, а скот отошал». {Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 261 – 262.} И это слова необразованного дикого варвара?! Читатели, служившие в армии, снимите шляпу перед военным гением!

Таким образом, ответственность, налагаемая на командиров войска, была весьма высокой. Помимо всего прочего, каждый начальник младшего и среднего звена отвечал за функциональную готовность своих воинов: им проверялось перед походом все снаряжение каж-

дого солдата – от комплекта вооружения до иголки с ниткой. Недоукомплектованный солдат наказывался командиром, но если осмотр производился поверхностно, то наказанию подлежал уже не только простой воин, но и сам командир. Одна из статей Великой Ясы, пусть и несколько туманно, утверждает, что за проступки своих солдат – расхлябанность, плохую готовность, тем более воинское преступление – командир наказывался одной мерой с ними: то есть, если солдат подлежал смертной казни, то мог быть казнен и командир. Об этом знал каждый представитель начальствующего состава, и можно представить, какой небывалый уровень порядка царил в монгольском войске – от самого низшего его подразделения до армии в целом.

Велик был спрос с командира, но не менее велика была и та власть, которой он пользовался в своем подразделении. Приказ любого начальника должен был выполняться беспрекословно. Не за всякий проступок, конечно, следовала смертная казнь, как иногда утверждают историки, плохо знакомые с реальными принципами дисциплины в монгольской армии. Но наказание следовало за любой, даже самый невинный проступок: солдат били бамбуковыми палками, а за более серьезное или повторное нарушение – батогами. Постоянных нарушителей воинской дисциплины и совершивших воинские преступления в обстановке боевого похода действительно казнили. Между прочим, серьезным военным преступлением считалось начинать грабеж неприятеля, даже уже побежденного, без разрешения воинского начальника. Эти поразительные порядки чрезвычайно удивляли многих авторов – свидетелей монгольских завоеваний. На фоне их собственных «цивилизованных» воинов, удержать которых от безудержного грабежа не мог ни один полководец, такая дисциплина в монгольском войске производила на персидских и западноевропейских летописцев потрясающее впечатление. К слову, заметим, что, когда грабеж побежденных разрешался, никто из монгольских воинов не получал изначального преимущества; значение имели лишь личные способности: тот, кто первым занял дом, автоматически получал все в нем содержавшееся, а опоздавший – будь он хоть тысячником – никаких прав на это имущество уже не имел (выделялась только особая ханская доля – десятина).

Жесткая дисциплина имела особое значение в боевой обстановке. Но она подразумевала также и четкое управление войсками. Беспрекословное выполнение приказов делало армию непобедимой только тогда, когда военачальники были способны довести эти приказы до каждого подчиненного. Особенно важным это становилось в условиях боя, когда непрерывно меняющаяся обстановка требовала порой неожиданных, заранее не оговоренных решений. И в монгольской армии система управления и передачи приказов вышестоящих начальников также была возведена на должную высоту. Оперативное управление в условиях боевых действий осуществлялось разными способами: устным приказом командира или от его имени через посыльного, сигнализацией бунчуками и приснопамятными свистящими стрелами, четко разработанной системой звуковых сигналов, передаваемых трубами и боевыми барабанами – «накарами». И отметим, что не было ни одного случая, когда бы монгольское войско оставило поле битвы при поднятом штандарте (бунчуке) начальника. Монголы, хоть и редко, но терпели поражения, – в частности, при Перване или Айн-Джалуде, – но даже при поражении не было никакой паники, и воинская дисциплина была превыше всего. Сам Чингисхан отмечал как едва ли не важнейшее свое достижение установленные им принципы управления и порядка: «Введенными мной порядку и дисциплине обязан я тем, что могущество мое, подобно молодой луне, растет со дня на день и что я заслужил благословение Вечного Неба, уважение и покорность земли».

И все же не только (и даже не столько) порядок и дисциплина сделали монгольскую армию Чингисхана уникальным явлением в мировой истории. Мы знаем немало примеров, когда и строжайшая дисциплина, даже совмещенная с высоким боевым духом, отнюдь не обращалась в автоматическую победу. Отрежьте такую армию от источников снабжения, перережьте коммуникации, захватите обозы – и поражение, несмотря на любую дисциплину, ста-

новится почти неминуемым. Вспомним русскую армию Петра I в печальной памяти Прутском походе 1711 года или Египетскую кампанию гениального Наполеона. Блестящие полководцы, великолепные армии, но результат – полное поражение. В этом и было серьезное отличие монгольской армии от армий как прошлого, так и будущего: она не нуждалась ни в коммуникациях, ни в обозах; по сути, в боевом походе ей вообще не требовалось снабжение извне. И с полным основанием любой монгольский воин мог бы выразить это словами известной латинской поговорки (если бы знал ее): «Omnia mea mecum porto» – «Все свое ношу с собой».

В походе монгольское войско могло двигаться целые месяцы и даже годы (четырёхлетний многотысячекилометровый рейд армии Субэдэя и Джебэ – самое лучшее тому подтверждение) без перевозимых за собой запасов продовольствия и фуража. Монгольский конь полностью находился на подножном корму: ему не нужны были ни конюшня, ни торба овса на ночь. Даже из-под снега он мог добывать себе пищу, и монголы никогда не знали принципа, которому подчинялись едва ли не все армии средневековья: «зимой не воюют». Специальные отряды монголов высылались на один-два дневных перехода вперед, но их задачей были не только боевое охранение и тактическая разведка; одновременно проводилась и «хозяйственная» разведка – выбирались лучшие пастбища и определялись места для водопоя.

Удивительной была и выносливость и неприхотливость монгола-воина. В походе он довольствовался тем, что удавалось добыть охотой или грабежом, при необходимости мог неделями питаться своим каменно-твердым хурутом, запасенным в седельных сумках. Но даже полное уничтожение всех запасов – ведь и хурут может когда-нибудь кончиться – вовсе не ставило армию на грань гибели от голода. Когда есть становилось уже совсем нечего, монгольский воин мог питаться... кровью собственных коней. От монгольской лошади без особого ущерба для ее здоровья можно было взять до полулитра крови. Поскольку запасных коней всегда имелось немало, – вообще, обычной нормой на походе было три коня на человека, – такой способ вполне мог обеспечить выживание. Наконец, в пищу могли идти и павшие или покалечившиеся лошади. Даже при благоприятных условиях в большой армии падеж лошадей, исходя из простой теории вероятности, составлял ежедневно несколько десятков. А это уже позволяло, пусть и скудно, но накормить армию. Ну а при первой же возможности конские стада вновь пополнялись за счет захваченного скота.

Именно такие особенности и делали монгольскую армию самой выносливой, самой мобильной, самой независимой от внешних условий из всех армий, когда-либо существовавших в истории человечества. А на это накладывались еще жесткий порядок и строгая дисциплина, хорошо организованное управление, боевая и тактическая выучка. И можно сказать без обиняков: такая армия была *действительно способна завоевать весь мир*: ее боевые возможности вполне позволяли это. И лишь случайности истории (такие, как смерть Угедэйхана в декабре 1241 года) не дали свершиться превращению мира в монгольский улус. Никогда – ни до, ни после монгольских походов – такого шанса больше не было ни у самых гениальных полководцев, ни у самых великих держав (разве что неиспользованный шанс Сталина, но и он представляется весьма сомнительным). Монгольская армия таким потенциалом обладала, и это делает ее величайшим военным феноменом всех времен.

* * *

Рассмотрим теперь другие важные элементы военного дела у монголов эпохи Чингизидов, а именно – вооружение и снаряжение монгольских воинов, особенности стратегии и тактики ведения военных действий (и подготовки к ним) и принципы боевого обучения.

Принято считать, что практически вся монгольская армия представляла собой иррегулярную легкую конницу стрелков из лука. Такой взгляд верен лишь отчасти. Действительно, основную массу монгольского войска, особенно при Чингисхане, составляли легковооруженные конные лучники. Но имелаась и другая важная и значительная по численности группа – тяжелая конница, вооруженная мечами и пиками. С уверенностью можно говорить, что тя-

желовооруженными конными воинами были ханские кешиктены; вероятно, это же относится и к так называемым «войскам багатуров». По своим боевым задачам они были в целом аналогичны рыцарской коннице Европы. Они играли роль «тарана», атакующего в глубоком строю с целью прорыва боевых порядков противника. И всадники, и лошади были защищены доспехами – сначала кожаными, из особо вываренной буйволово́й кожи, которая для большей прочности часто покрывалась лаком. {Лак на доспехах выполнял и другую функцию: при непрямом попадании стрела или лезвие соскальзывали с лакированной поверхности – поэтому, например, лошадиный доспех лакировался почти всегда; люди же часто нашивали на свой доспех металлические бляшки.} Завоевания в Китае и Средней Азии дали возможность серьезно улучшить оборонительное снаряжение: теперь не только нойоны-тысячники, но и многие простые воины могли позволить себе иметь железный пластинчатый доспех. Да и кожаные доспехи улучшились, стали многослойными и, по свидетельствам, относящимся ко времени Великого Западного похода, были почти непробиваемы.

Тяжелая конница монголов все же не походила на хорошо знакомое нам рыцарство. Рыцарский конь был, по меньшей мере, вдвое тяжелее монгольского; на рыцарях были куда более массивные доспехи, не в меру увесистым было и их оружие: двуручные мечи и пятиметровые копья. Но это более тяжелое вооружение, давая лишь небольшое преимущество над пиками и кривыми мечами монголов, в целом делало боевые возможности рыцарства меньшими, чем у тех же ханских кешиктенов. Мобильность монгольской тяжеловооруженной конницы была значительно выше, и если тактика рыцарей была исключительно однообразна – только прямой фронтальный удар, хотя и страшный по силе, – то кешиктены могли наносить и неожиданные фланговые удары и даже выходить в тылы противника. Высокая маневренность позволяла монголам уже по ходу боя менять направление главного удара, на что рыцарская конница не была способна в принципе. Битва при Лигнице в 1241 году показала огромное преимущество монголов в конном бою: рыцарская конница вначале была остановлена меткими монгольскими лучниками, а затем уничтожена фланговыми ударами, которым рыцари не могли противопоставить ничего.

Но уже из этого краткого описания боя ясно, что мощь монгольского конного войска обуславливалась не только силой его тяжеловооруженных багатуров. Легкая конница играла отнюдь не второстепенную роль в бою. Вообще, уникальным являлось доведенное до автоматизма взаимодействие этих двух «родов войск». Бой всегда начинали конные лучники. Они атаковали противника несколькими разомкнутыми параллельными волнами, непрерывно обстреливая его из луков; при этом всадники первых рядов, выбывшие из строя или израсходовавшие запас стрел, мгновенно заменялись воинами из задних шеренг. Плотность стрельбы была невероятной: по свидетельству источников (пусть, вероятно, и преувеличенному), монгольские стрелы в бою «застилали солнце». Если враг не выдерживал этого массированного обстрела и поворачивал тыл, то легкая конница, вооруженная кроме луков и саблями, сама же и довершала разгром. Если же противник контратаковал, то монголы не принимали ближнего боя. Излюбленной тактикой было отступление с целью заманить противника под неожиданный удар из засады. Удар этот наносился тяжелой конницей и почти всегда приводил к успеху. Удивительно, но даже тогда, когда этот маневр монголов стал хорошо известен их противникам, ничего реально противопоставить они не могли, и уже одержанные, казалось, победы превращались в сокрушительные поражения. В период же походов Чингисхана враги монголов попадались на эту удочку с изумительной регулярностью.

Ложное отступление было главной, но далеко не единственной тактической новинкой монголов. {Собственно, сам этот боевой прием, конечно, нельзя назвать новинкой – аналогичные действия совершались и в более ранние времена. Но монголы довели этот тактический маневр до настоящего совершенства, а пресловутая монгольская дисциплина никогда не позволяла противнику угадать – действительным или ложным являлось отступление.} Совершенно исключительная маневренность легкой конницы позволяла ей почти мгновенно

перестраиваться по ходу боя и наносить ощутимые удары в самых неожиданных местах. Противник зачастую просто не успевал перестроиться, а если успевал это сделать против одного отряда – тут же получал удар в неприкрытый фланг от другого. Важна была и разведывательная функция лучников: нанося, казалось бы, бессистемные удары то тут, то там, они тем самым проверяли готовность обороны противника. А от этого уже зависело и направление главного удара, наносимого кешиктенами и багатурами.

Вооружение легкой конницы было очень простым: это лук, колчан со стрелами и сабля. Доспехов ни у воинов, ни у лошадей не имелось, но это, как ни странно, вовсе не делало их слишком уязвимыми. Причиной тому являлась уникальность боевого монгольского лука – наверное, самого мощного боевого оружия воина до изобретения пороха. Впрочем, в той же степени это относится и к тем, кто этот лук в руках держал, и к поражающему элементу – то есть собственно стрелам.

Монгольский лук был сравнительно небольшим по размерам, но исключительно мощным и дальнобойным. Относительно малые его размеры диктовались особенностями его применения. Стрелять с коня из длинного лука, подобного английскому, погубившему французскую рыцарскую конницу в битве при Креси (1346 год), было попросту невозможно. Поэтому монгольский лук был коротким и широким. Как правило, его делали составным: помимо нескольких слоев дерева, использовались костяные накладки, которые увеличивали силу натяжения. Что же касается величины этой силы, то у нас есть свидетельство китайца Чжао Хуна, который пишет, что усилие, необходимое для натягивания тетивы, всегда превышало величину в один «ши» – то есть более чем 71,6 килограмма. Надо сказать, что эти сведения китайского посла явно преувеличены: натянуть такой лук по силу разве что Гераклу. {Отметим, что современный мировой рекорд по натягиванию лука, занесенный в книгу рекордов Гиннеса, составляет 79,2 килограмма – то есть как раз немногим больше «одного ши». А это, понятно, случай исключительный.} Даже для тетивы арбалета, которую *невозможно* натянуть вручную, без специальных приспособлений, обычное усилие составляет пятьдесят килограммов (кроме станковых стрелометов). Тем не менее, очевидно, что монгольский лук был очень мощным, а монгольские лучники обладали значительной физической силой. Это неудивительно, если вспомнить, что первый свой лук монгольский мальчик получал уже в три года, а упражнения в стрельбе были излюбленным занятием монголов. О мощи монгольского лука свидетельствует и надпись на так называемом «Чингисовом камне», хранящемся в Эрмитаже. В этой надписи сообщается, что племянник Чингисхана Есункэ в состязаниях на дальность стрельбы пустил стрелу на расстояние, превышающее шестьсот метров. А эта дистанция недоступна даже и арбалету. И такие свойства лука, да еще на-

Монгольские тяжеловооружённые всадники. Персидская миниатюра

ходящегося в надежных руках, могли обеспечить сительную неуязвимость бездоспешного монгольского конника. Ведь стрелы монголов уже косили врага, в то время как стрелы их противников просто не долетали до цели или доставали ее уже на излете, не пробивая даже одежды. Конечно, и монголы не могли стрелять всегда только с безопасного расстояния – на двухсотметровой дистанции доспехи не пробьешь никакой стрелой. Но когда возникала необходимость в сближении с противником, монголы компенсировали возрастающую уязвимость усилением темпа и плотности стрельбы, так что враг и голову из-под щита боялся высунуть. А в бою монгольский воин без особого ущерба для меткости стрельбы был способен выпустить шесть-восемь стрел в минуту. Можно представить себе мощностю огня атакующего лавой тумена!

Такая исключительная плотность стрельбы требовала весьма значительного количества стрел. И действительно, по данным Плано Карпини, каждый монгольский воин перед отправлением в боевой поход должен был представить своему начальнику «три больших колчана, полных стрелами». Из других источников мы знаем, что вместимость колчана составляла шестьдесят стрел. В бой монгол шел с одним, а при необходимости с двумя полными колчанами – таким образом, в крупном сражении боезапас воина составлял сто двадцать стрел. Поразительно, но факт: современный российский солдат в боевой обстановке имеет четыре снаряженных магазина с патронами – то есть может сделать сто двадцать выстрелов! Пуля, конечно, не стрела, но если вдуматься, то боевые возможности монгольского воина лишь немного уступали тем, которыми обладает солдат двадцать первого века.

Монгольские стрелы и сами по себе представляют нечто особенное. Поражает разнообразие их боевых характеристик. Существовали специальные бронебойные наконечники, причем тоже разные – под кольчужный, под пластинчатый и под кожаный доспех. Были стрелы с очень широкими и острыми наконечниками (так называемый «срезень»), способными отрезать руку, а то и голову. У начальников обязательно имелось несколько свистящих сигнальных стрел. Были и другие типы, которые применялись в зависимости от характера боя. {Удивительную разносторонность монгольских стрел автор может засвидетельствовать лично: во время раскопок в Нижегородском Кремле в 2001 – 2002 годах, в которых я принимал участие, археологами было найдено более пятнадцати различных видов наконечников стрел. Почти все они были монгольского (татарского) происхождения и относились к XIII – XIV векам.} Такая специализация значительно повышала эффективность стрельбы в бою и становилась одним из главных залогов победы.

Другим важным оружием легкоконного воина являлась сабля. Сабельные клинки были очень легкими, слабо изогнутыми и рубящими с одной стороны. Сабля, почти без исключений, была орудием боя по отступающему противнику, то есть бегущего врага рубили со спины, не ожидая встретить серьезного сопротивления. В таких условиях легкая сабля являлась

Лук с саадаком и стрелы

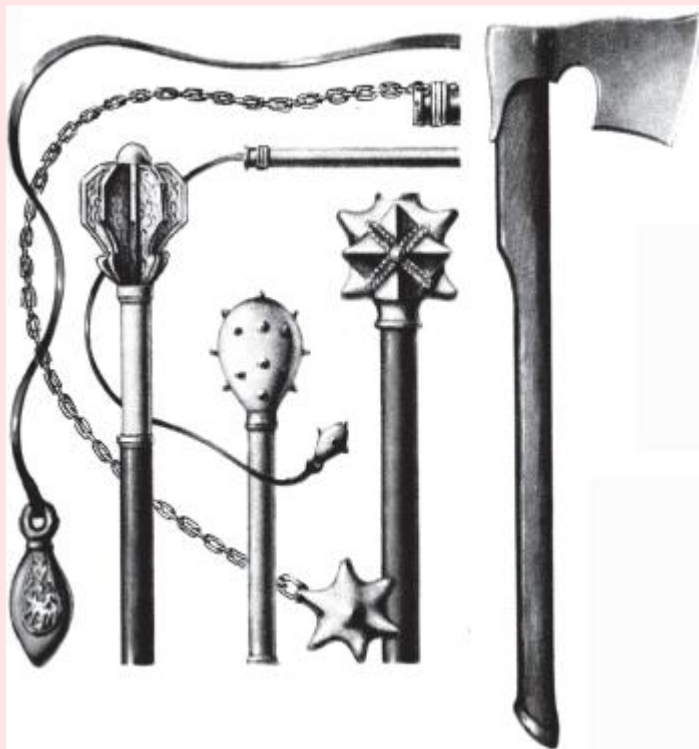

оптимальным оружием: она не утруждала руку и, между прочим, выводила врага из строя, обычно не лишала его жизни – а ведь побежденные затем становились пленниками. Для серьезного наступательного или встречного боя сабли были малоэффективны, и в таких условиях главную роль играла тяжелая конница с массивными палашами и мечами, обычно также слегка изогнутыми. Вообще, вооружение багатуров и кешиктенов было куда более разнообразным, нежели у легких конников. Здесь и достаточно мощное копье – пика, мастерами в употреблении которого были уруты и мангуты, едва не разнесшие в отчаянной копейной атаке во много раз превосходившую армию кераитов (см. гл. 7). Часто такое копье снабжалось крюком, предназначенным для стаскивания врага с лошади; но самым обычным оружием такого рода был, безусловно, знаменитый монгольский аркан из конского волоса – легкий, прочный и длинный. Арканом кочевники, привычные к вылавливанию им лошадей из табуна, пользовались с изумительной ловкостью; десяток метров до противника не был серьезным препятствием. И каждый монгольский конник имел при себе аркан, а зачастую даже несколько. Это страшное монгольское оружие наводило ужас на врага – наверное, не меньший, чем его стрелы. Именно для защиты от монгольского аркана было придумано остроумное приспособление, пережившее века. Знаменитые «крылья за спиною» из песни Булата Окуджавы были у русских улан еще и в XVIII веке. Их особая конфигурация весьма затрудняла пользование арканом: при попытке затянуть петлю аркан соскальзывал.

Хотя главной силой монгольского войска были конные лучники, у нас есть немало сведений об использовании самых разных видов оружия. Особенно широко применялись небольшие метательные копья – дротики, в обращении с которыми монголы были настоящими специалистами. Владельцы доспехов – нойоны, багатуры, кешиктены – активно употребляли тяжелое ручное оружие, дающее преимущество в контактном бою: боевые топоры и палицы, копья с длинным и широким лезвием (подобные стрелецким бердышам), которые можно было применять и как колющее, и как рубящее оружие. К середине XIII века монгольская армия и ее вспомогательные контингенты уже имели на вооружении практически все виды рубящего, колющего и метательного оружия. Однако еще долго основным оружием монголов (за исключением специфического осадного дела) оставались лук со стрелами, сабля и аркан.

Но здесь нельзя не сказать о самом, наверное, главном оружии любого монгольского воина. Это знаменитый монгольский конь. Выше уже говорилось об огромном значении лошадей в кочевой жизни степных народов. Теперь обратимся к специфике боевого применения коней в период великих завоевательных походов Чингисхана и его преемников.

Монгольская лошадь удивительно невелика по размерам. Ее рост в холке обычно не превышал одного метра тридцати пяти сантиметров, а вес колебался в пределах от двухсот до трехсот килограммов. Сравните ее с почти двухметровыми, восьмисоткилограммовыми рыцарскими монстрами – разница бросается в глаза. Фактически, степная лошадь – нечто сред-

Оружие XII – XV вв.

нее между пони и обычным конем. Но ее боевые качества были поистине поразительными. И еще более удивляет то грамотное использование реальных преимуществ монгольских лошадей, которое и позволяет оценить монгольскую конницу как самое сильное и эффективное конное войско всех времен. Особенности монгольской лошади определяли, в значительной степени, и всю тактику боевых действий, практиковавшуюся монголами.

Легкая монгольская лошадь, конечно, не могла сравниться по силе таранного удара с тем же рыцарским конем. Поэтому для монгольской конницы нормой стало постоянное чередование фронтальных и фланговых атак, глубокие обходы больших конных масс во фланг и в тыл противнику. Здесь монголам очень помогало одно важное качество, присущее их степным лошадам: значительно уступая в скорости коням противника, они обладали почти исключительной выносливостью. И многочасовой бой, и сверхдальние походы монгольская лошадь выдерживала с небывалой легкостью. Можно привести примеры этой поразительной выносливости. Так, во время венгерской кампании 1241 года конная армия Субэдэя однажды за три дня прошла расстояние почти в четыреста пятьдесят километров – то есть по сто пятьдесят километров в день. На такие подвиги не была способна ни одна армия мира. В этой связи можно вспомнить, что, например, войско крестоносцев в Первом крестовом походе при полугодовом переходе от Коньи до Антиохии (а это около тысячи километров) потеряло от девяноста до девяноста пяти процентов всех своих лошадей, при этом настоящих рыцарских коней осталось всего шестьдесят штук. Монгольская армия могла без особого напряжения и, уж конечно, без массового падежа лошадей, пройти этот маршрут дней за десять. Об этом можно говорить вполне уверенно – ведь подобные походы проделывал и сам Чингисхан (вспомним хотя бы его молниеносный набег на Буюрук-хана в 1201 году), и его полководцы – Субэдэй, Джебэ, Джучи.

Важна была и высочайшая выучка монгольских лошадей. Монгольский воин и его конь действовали в бою как одно существо. Лошадь повиновалась малейшим указаниям хозяина, была способна на самые неожиданные финты и маневры. Это позволяло монголам даже при отступлении сохранять и порядок, и боевые качества: быстро отступая, монгольское войско могло мгновенно остановиться и тут же перейти в контратаку или выпустить в противника ливень стрел. Не случайно в наших источниках не раз говорится, что монгольские лошади были выдрессированы «как собаки». И действительно, обучение лошадей начиналось уже на втором, а то и на первом году жизни (об этом пишет Чжао Хун) и, видимо, уже не прерывалось никогда.

Высокая дисциплина, выносливость монгольской лошади, ее способность выжить почти в любых условиях чрезвычайно роднила ее ... с собственным хозяином. В самом деле, монгол из войска Чингисхана и его конь удивительно схожи, и складывается впечатление, что их связывало нечто гораздо большее, нежели простые отношения человека и животного. Человек мог полностью доверять своему коню, но и конь мог доверять человеку. Поразительный факт: монгольских коней никогда не привязывали и не стреноживали. Хотя, казалось бы, вот она – свобода и привольная жизнь, но монгольские кони *никогда* не уходили от своих, в общем-то, довольно суровых хозяев. Это взаимное доверие, какая-то высшая взаимосвязь, идущая от тех времен, когда человек был просто частью природы – делали монгола и его коня, наверное, единственным в своем роде боевым содружеством из всех, какие знает история.

Но вернемся к армии монголов; точнее, от собственно монгольского войска перейдем к другим составляющим армии Чингизидов. Речь идет о вспомогательных частях, набранных из различных покоренных народов и выполнявших самые разнообразные функции. Появление первых боевых соединений такого рода отмечается уже с самого начала завоевательных походов Чингисхана, но по-настоящему массовым их применение становится, начиная с китайской кампании. Уже говорилось, что такие немонгольские части составляли более половины войска Мухали, оставленного Чингисханом для продолжения войны в Китае в 1219 году. Первоначально основная часть этих вспомогательных сил представляла собой все ту же

конницу, поскольку в нее входили воины из числа кочевых и полукочевых народов. Такие отряды назывались «таньма» или «таньмачи»; командиры отрядов сначала представляли собственную родовую знать, но постепенно, как правило, заменялись монголами. Их боевые навыки и тактика со временем все более «монголизировались», и уже к концу жизни Чингисхана эта иноплеменная конница фактически стала неотличимой от конницы монгольской. С 1220-х годов такие вспомогательные конные армии разных племен просто исчезают, а всех покоренных кочевников начинают развешивать по монгольским «тысячам». Как отдельный вид они лишь кое-где сохраняются в качестве небоевых, оккупационных частей и, строго говоря, к собственно армии отношения не имеют.

Вспомогательными частями, постепенно увеличивающими свое значение по мере роста и соответствующего усложнения Монгольской империи, становились те, что выполняли функции, не свойственные самим монголам – конникам до мозга костей. Начиная с китайского похода, в войске появляются подразделения пехоты, игравшие, правда, сугубо вспомогательную роль: обычно они несли гарнизонную службу или были городской стражей, а непосредственно в боевых действиях использовались при осадах и только в редких случаях – как, например, в Афганистане в 1222 году – участвовали и в военном походе. Причем в саму монгольскую армию эти пехотные части не входили, имея лишь статус ополчения.

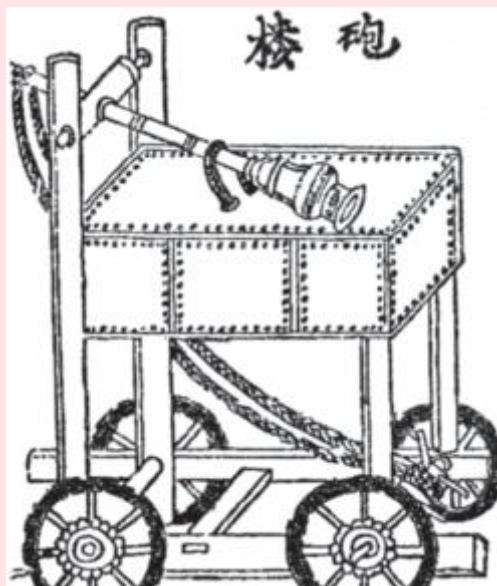
Однако и эти подразделения пехоты все же можно назвать привилегированными по сравнению с еще одной, весьма специфической группой, игравшей в военной стратегии монголов довольно значительную роль. Эта группа – широко известная в истории «осадная толпа» или, по-монгольски, «хашар». {«Хашар» в переводе с монгольского, собственно, и означает «толпа»}. Хашар ни в коем случае не был боевым подразделением. Это просто согнанное в одно место многочисленное гражданское население завоевываемой страны. Использовались такие массы народа главным образом при осадах монголами крепостей и городов. Применение осадной толпы было двояким: люди применялись как рабочая сила – для ведения земляных работ, строительства и транспортировки осадных машин и сооружений; хашар также бросали на штурм крепости в качестве первой волны. Иногда же штурмы производились силами вообще одного только хашара: монголы без зазрения совести гнали людей под стрелы, пущенные их же братьями и отцами. Отказаться было нельзя, отступавших тут же рубила стоящая сзади монгольская конница. Способ, что и говорить, бесчеловечный, напоминающий о знаменитых штрафных батальонах сталинской эпохи. Однако, отнюдь не монголы были изобретателями этого свирепого средства ведения войны: они научились ему у так называемых «цивилизованных» народов – у тех же китайцев или арабов. Правда, монголы оказались действительно «хорошими» учениками и довели этот метод до подлинного совершенства. {Более подробно о способах использования хашара будет рассказано в дальнейшем.} С не меньшим блеском эти степные кочевники переняли другое «достижение» оседлых народов – искусство осаждать и брать города. Именно эта способность быстро учиться у своих врагов и произвела ужасающее впечатление на народы Средней Азии во время похода Чингисхана на государство Хорезмшахов. Всем окрестным народам испокон веков было известно, что кочевники практически бессильны против хорошо защищенных крепостей. Это подтверждала и история великих кочевнических держав древности: хунны, например, за четыре сотни лет существования своей империи так и не достигли никаких успехов в осадном деле. На этой, всем известной, беспомощности конных степняков перед лицом укрепленных городов в значительной степени строилась оборонительная стратегия хорезмшаха Мухаммеда. {В выборе стратегии хорезмшахом Мухаммедом большую роль играли и другие причины. Подробнее о них – в главе 11.} Осадные успехи монголов оказались для него полной неожиданностью, что во многом и предопределило быстрый разгром державы Хорезмшахов.

До начала своих внешних завоевательных походов монгольские племена действительно не владели осадными технологиями. Боевых приемов было, по сути, только два: во-первых, выманивание противника из крепости с целью разбить его в поле и затем взять уже безза-

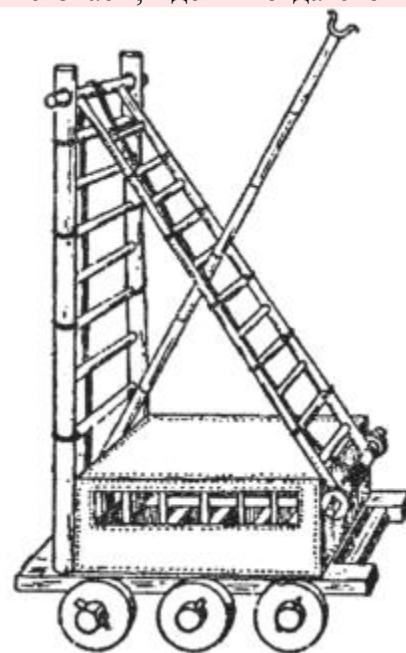

щитный город; во-вторых, блокада крепости массами конного войска, что редко бывало эффективным, так как запасы пищи для людей и коней у осаждающих обычно заканчивались раньше, чем у осажденных. Уже самый первый, сугубо разведывательный поход 1205 года на державу тангутов (то есть еще до провозглашения империи) показал Чингисхану всю важность искусства осады. И в 1207 году он предпринимает новый поход на Тангут, по мнению китайских военных историков – почти исключительно с целью изучения способов взятия городов-укреплений. Монгольский владыка отлично понимал, что давно задуманная им крупнейшая военная кампания против Цзинь имеет не много шансов на успех без знания осадного искусства. Тангутские походы дали ему такую первоначальную базу – через захваченных в плен специалистов и обучение самих монголов. В дальнейшем монголами были переняты и более эффективные китайские технологии, и достижения в этой области мусульман. Несомненная и главнейшая заслуга в этом стремительном развитии у монголов осадного дела принадлежит Чингисхану. Монгольский властелин уделял этому огромное внимание до конца своей жизни. Поэтому, когда ряд историков утверждает, что вот, мол, если бы не китайские, тангутские, среднеазиатские осадные машины, монголы оказались бы бессильны перед оседлыми народами, то здесь налицо явное логическое передергивание. Ведь осадное искусство того же Китая достигло очень высокого уровня еще в период Борющихся Царств (V – III века до н.э.). Но за полтора прошедших тысячелетия ни один кочевой народ не воспользовался этими технологиями. Чингисхан, великий военный организатор, и здесь был первым.

Уже во время китайской кампании Чингисхана в монгольском войске появляются крупные военно-инженерные отряды так называемых «камнеметчиков». Они состояли в основном из перешедших на сторону монголов чжурчжэней и китайцев, но первым руководителем корпуса камнеметчиков был коренной монгол Аньмухай. Мы не знаем, где и когда этот степняк из рода баргутов научился осадному делу, но уже в первых походах на Цзинь он был признанным специалистом в этом вопросе и получил золотую пайцзу (фактически, был возведен в ранг темника). Отметим, что после смерти Аньмухая ему наследовал в ранге руководителя корпуса камнеметчиков (в этот же корпус, кстати, входил

Камнеметная башня

Камнемет и осадная лестница

ли и совсем немногочисленные тогда моряки) его сын Тэмүтэр, также получивший золотую пайцзу темника.

Тяжеловооружённые монгольские воины рядом с осадным орудием. Миниатюра из хроники Рашид ад-Дина

Осадная техника монголов, особенно со времени среднеазиатского похода, была весьма разнообразной. Отметим здесь различные метательные приспособления: вихревые камнеметы, катапульты, стрелометы (аркбаллисты), мощные камнеметные машины, основанные на принципе противовеса (аналоги европейского «требуше», хотя и несколько меньшей мощности) и т.п. Имелись в наличии и другие осадные приспособления разного рода: штурмовые лестницы и штурмовые башни, тараны и «купола для штурма» (видимо, специальные укрытия для воинов, использующих таран), а также «греческий огонь» (скорее всего – китайская смесь различных горючих масел) и даже пороховые заряды. Получила развитие и сама технология

осады, в которой особую роль играл вышеупомянутый хашар.

Еще одним важнейшим структурным подразделением монгольского войска были достаточно большие группы легкоконных воинов, которые, за неимением более подходящего термина, можно назвать «разведывательными отрядами». Функции их были, однако, гораздо шире, чем просто тактическая разведка. Посылаемые далеко вперед – на день или два конного пути – крупные военные отряды (известно о существовании целого тумена конных разведчиков) становились боевым авангардом армии. Разбившись на относительно небольшие группы, эти караулы несли дозорную службу – для предупреждения основного войска о приближении неприятеля. В их задачи равным образом входили массовые «зачистки» населения на пути следования армии – с тем, чтобы никто не мог предупредить противника о монгольском походе. Они также исследовали возможные пути продвижения, определяли места стоянок для армии, отыскивали подходящие пастбища и водопои для коней. Идея таких многофункциональных караулов была не нова для степных народов – «Сокровенное Сказание» не один раз упоминает о подобных специальных отрядах: были они у кераитов, найманов, да и у других степняков. Однако при Чингисхане система организации разведки поднимается на новую высоту. Караулы становятся обязательным элементом при походе – отсутствие такого караула у любого автономного отряда приравнивалось к серьезному воинскому преступлению, и войсковой начальник за это пренебрежение приговаривался к смертной казни, вне зависимости от тяжести его последствий. Кроме того, эти мобильные отряды окружали теперь войско на походе со всех сторон, выполняя функции боевого охранения. В обязанности ты-

ловых караулов, возможно, входила и поимка дезертиров. Вообще, роль тактической разведки в монгольской армии была исключительно высокой – значительно большей, чем в любой другой армии того времени.

В этой связи очень интересно рассмотреть и то, что можно было бы определить как стратегическую разведку, хотя прямого отношения к монгольской армии это не имеет. Однако, как уже говорилось, в державе Чингисхана очень трудно разграничить собственно военную составляющую и такие невоенные по виду формы деятельности, как, например, дипломатия и торговля. Все послы были одновременно и разведчиками, и саму дипломатию вряд ли можно назвать их главной задачей. Послы собирали максимум информации о противнике, о ситуации в стране; не последнее место в их деятельности занимали дезинформация и пропаганда. Особенно прославились на этой шпионско-дипломатической стезе купец из Хорезма Махмуд Ялавач («ялавач», собственно, и означает «посол») и бывший уйгурский торговец, а впоследствии – видный монгольский военачальник Джафар-ходжа. Махмуд Ялавач сыграл огромную роль в стратегической подготовке Среднеазиатского похода, и не случайно позднее Чингисхан сделал его своим наместником в Средней Азии. Не меньшую службу в подготовке и проведении первого этапа китайской кампании сослужил и Джафар-ходжа, который стал вскоре главным даругачи всего Северного Китая. Такие высокие пожалования сами по себе подчеркивают, насколько большое значение придавал Чингисхан этому роду деятельности.

Важнейшими помощниками дипломатов-шпионов и самой мощной разведывательно-диверсионной службой в монгольской империи стали торговцы. Их роль особенно возросла после 1209 года, когда уйгурское государство на абсолютно добровольных началах вошло в состав державы Чингисхана. Транзитная торговля издавна находилась в руках уйгурских (в меньшей степени – среднеазиатских) купцов; теперь же они получили от монгольского владыки значительные привилегии и начали служить ему не за страх, а за совесть. Позже эта армия шпионов пополнилась мусульманскими торговцами из Средней Азии, многочисленными перебежчиками и просто двойными агентами. В мирное время их основной функцией была предварительная разведка будущего возможного театра военных действий; в обстановке монгольских военных походов обязанности, возлагаемые на них ханом, становились куда более разнообразными. Пересылка подметных писем к военачальникам и крупным чиновникам противника, распространение панических слухов среди населения с целью запугать его и заставить отказаться от сопротивления монголам, даже прямые диверсионные акты – вот далеко не полный перечень того, чем занимались эти «купцы». И деятельность их можно назвать чрезвычайно успешной. Пропганда монгольских шпионов вкупе с тщательно продуманной системой жесточайшего, но выборочного террора, практикуемого монголами, давали свои плоды. Десятки, а то и сотни хорошо укрепленных городов Китая и Средней Азии (позднее такие случаи мы наблюдаем и на Руси) сдавались на милость победителя, едва завидев передовые монгольские караулы.

Таким образом, вся концепция военного дела у монголов при Чингисхане выстраивается в строгую, тщательно продуманную систему. Преемники великого монгола вносят в нее еще некоторые незначительные усовершенствования, также диктуемые опытом предшествующих боевых действий. Эта способность к обучению как на собственном боевом опыте, так и на достижениях противников, к учету столь многих факторов, определяющих успешность военных действий в целом, у народа, который привычно воспринимается как скопище диких, безграмотных варваров, просто поражает. Несомненно, что роль самого Чингисхана в установлении такого положения вещей достаточно велика. Обучение военному делу, в том числе и подготовка офицеров и военачальников прямо прописаны в Ясе Чингисхана. Всем нойонам, в частности, прямо вменялось в обязанность обучение своих сыновей боевым приемам и основам военной стратегии и тактики. Так формировалась и преемственность офицерского корпуса, что в значительной степени цементировало армию, и внедрялись элементы нового

на базе собственного боевого опыта. Другая статья Ясы вообще уникальна: она строго обязывает начальников туменов, тысяч и сотен дважды в год посещать ставку Чингисхана, где им полагалось «слушать наши (то есть Чингисхана) мысли». Этакая своеобразная Академия Генштаба. Позднее, за отсутствием новых военных гениев, равных Чингисхану, такие сборы стали, конечно, менее эффективными, но сохраняли значение как возможность для командного состава обменяться опытом и обсудить мнения по тем или иным военным вопросам.

Надо признать, что такая система дала свои плоды. В армии Чингизидов мы видим великолепно подготовленный офицерский состав и целую плеяду блистательных полководцев. К числу бесспорно выдающихся военачальников монгольской армии можно отнести Мухали, Джебэ, Хубилая (не путать с внуком Чингисхана, который, впрочем, тоже был неплохим военным вождем). Несомненным полководческим талантом обладали и сыновья Чингисхана – Джучи и, в особенности, Тулуй. Но на первое место, безусловно, следует поставить покорителя бесчисленных стран и народов, одного из величайших полководцев в мировой истории – Субэдэй-багатура. Этот верный пес Чингисхана прославил себя в десятках сражений, но два его деяния стоят особняком: беспримерный в истории человечества военный поход 1220 – 1224 годов, славу которого он делит со своим младшим соратником Джебэ, и Великий Западный поход 1236 – 1242 годов, грандиозный успех которого стал возможен во многом благодаря блестящему руководству Субэдэя. Интересно, что гениальность Субэдэй-багатура была признана еще при его жизни, причем одним из самых талантливых его военных противников. Об этом пишет «Юань ши»: когда видный цзиньский полководец Ваньянь Хэда был взят в плен и ожидал казни, он попросил о встрече с Субэдэем. Заинтригованный Субэдэй не отказал ему и поинтересовался: «Тебе осталось жить мгновение, чего хочешь от меня узнать?» Хэда ответил: «Вы отвагой превосходите всех полководцев. Небо породило героя, с которым я нечаянно встретился. Я увидел Вас и могу с легкой душой смежить веки». Заметим, что Хэда ни в коей мере не мог рассчитывать на помилование: он прекрасно знал, что это не во власти Субэдэя. И перед лицом смерти он признает величие своего врага, а это дорогого стоит! А ведь дело происходило в 1232 году, то есть еще до Великого Западного похода, в котором Субэдэй покрыл себя поистине неувядаемой (хотя и немного жуткой) славой. И только наш европоцентризм до сих пор не дает возможности адекватно оценить военный гений Субэдэя. Ганнибал и Цезарь, Александр Македонский и Карл Великий, Фридрих Великий и Наполеон – имена, известные всем. Субэдэй же пользуется настоящей известностью, пожалуй, лишь в узком кругу военных историков. Между тем, из перечисленных имен разве что Наполеона действительно можно поставить в один ряд с Субэдэем – подлинно великим исполнителем воли своего не менее великого каана.

Рассказ о принципах стратегии и военного обучения у монголов будет неполным, если не сказать об очень своеобразном явлении, которое фактически играло роль полномасштабных военных учений. Это феномен уже упоминался в другом контексте: речь идет о знаменитых облавных охотах. По велению Чингисхана такие охоты проводились один или два раза в год, всем составом войска. В обязательном порядке облавная охота применялась во время военного похода и выполняла две задачи: пополнение армией запасов продовольствия и совершенствование боевой и тактической выучки монгольских воинов. По существу, облавная охота и была войной, с похожими боевыми приемами и принципами – только велась против зверей, а не людей. Но, между прочим, наказания за ошибки или трусость во время охоты были такими же, как за аналогичные действия в боевых условиях. Да и армия поддерживалась в постоянном боевом тоне.

В завершение темы монгольского военного искусства надо сказать несколько слов о таком специфическом предмете, как снаряжение (не боевое) монгольского воина. В определенном смысле, такое снаряжение было следствием самого образа жизни кочевника: те или иные его особенности диктовались природой, климатом или непосредственными обязанно-

стями конкретных людей. Но во многом именно эта амуниция делала монгольскую армию тем, чем она была – «непобедимой и легендарной».

Начнем с «обмундирования». Одежда монгольского воина была простой и сугубо функциональной. Летом – штаны из овечьей шерсти и знаменитый монгольский халат: запаховался он у мужчин-монголов справа налево; у европейцев это, наоборот, «женский» способ. Обувью круглый год служили сапоги, низ которых был кожаным, а верх делался из войлока. Такие сапоги немного напоминают русские валенки, но гораздо удобнее их, так как не боятся сырости. Зимние сапоги могли быть сделаны из более толстого войлока и способны были выдерживать любые морозы. Кроме того, зимой в экипировку монгола добавлялись меховая шапка с наушниками и длинная, ниже колен, шуба из сложенного вдвое меха – шерстью и внутрь, и наружу. Между прочим, отсюда в Европе возникла легенда, что монголы эпохи Великого Западного похода одевались в звериные шкуры. Как и многие другие мифы о монголах, она не имеет ничего общего с действительностью.

Любопытно, что после завоевания Китая многие монгольские воины стали носить шелковое белье. Но вовсе не для того, чтобы поразить экстравагантностью своих дам. Причина такого монгольского «haute couture» {Искусство высокой моды (*фр.*)} тоже имела самое прямое отношение к войне. Дело в том, что шелк имеет свойство не пробиваться стрелой, а втягиваться в рану вместе с наконечником. Разумеется, и извлечь такую стрелу из раны гораздо проще: нужно просто потянуть за края этого шелкового белья. Вот такая оригинальная хирургия. Другим интересным предметом снаряжения, обязательным для каждого монгольского воина, были ... иголки и нитки. Отсутствие такого незамысловатого предмета обихода приравнивалось к неимению, скажем, запасного колчана со стрелами, и наказание за такой проступок было довольно суровым.

Вообще в число обязательных предметов снаряжения входили полный комплект упряжи (а желательно два), специальный напильник или точило для острения стрел, шило, огниво, глиняный горшок для варки пищи, двухлитровая кожаная баклага с кумысом (в походе она использовалась и как емкость для воды). В двух седельных сумках хранился неприкосновенный запас пищевых продуктов: в одной – провяленные на солнце полоски мяса, в другой – уже известный нам хурут. Как правило, у монголов имелся и дополнительный комплект одежды, но обязательным он не был. Кроме того, в комплект снаряжения входил также большой бурдюк, обычно из воловьей шкуры. Применение его было многофункциональным: на походе он мог служить и как обычная попона, и быть подобием матраца; при переходах через пустыни он использовался в роли вместилища для больших запасов воды. И наконец, надутый воздухом, он становился отличным средством для переправы через реки; по сведениям наших источников, даже столь серьезные водные преграды, как Волга или Хуанхэ, монголы преодолевали при помощи этого нехитрого приспособления. И такие мгновенные монгольские переправы часто тоже становились шоком для обороняющейся стороны.

Такая хорошо продуманная экипировка делала монгольского воина готовым к любым превратностям воинской судьбы. Он мог действовать совершенно автономно и в самых тяжелых условиях – например, в жестокий мороз или при полном отсутствии пищи в безлюдной степи. А помноженная на высокую дисциплину, мобильность и выносливость кочевника, она сделала монгольскую армию самым совершенным боевым инструментом своего времени, способным решать военные задачи любой степени сложности.

Девятая глава из книги Александра Доманина. «Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники» http://oldevrasia.ru/library/Aleksandr-Domanin_Mongolskaya-imperiya-CHingizidov-CHingiskhan-i-ego-preemniki/10

Инопланетные технологии

В конце сентября 2012 года Национальный архив США опубликовал отрывок меморандума, датированный июнем 1956 года, о разработке в интересах американских военно-воздушных сил прототипа летающей тарелки. Предполагалось, что аппарат под кодовым названием Project 1794 ("Проект 1794") сможет развивать сверхзвуковую скорость и преодолевать почти две тысячи километров.

Разработку аппарата США, как ни странно, поручили иностранцам, а именно канадской авиастроительной компании Avro Aircraft и ее ведущему инженеру британцу Джону ("Джеку") Фросту (John "Jack" Frost). Впрочем, канадская компания к середине 1950-х годов уже успела зарекомендовать себя, сконструировав неплохой истребитель-перехватчик CF-100. Сам же Фрост, пришедший в Avro в 1947 году, ранее работал на британскую De Havilland, где, в частности, разработал истребители Hornet и Vampire, а также экспериментальный самолет DH 108 (Swallow).

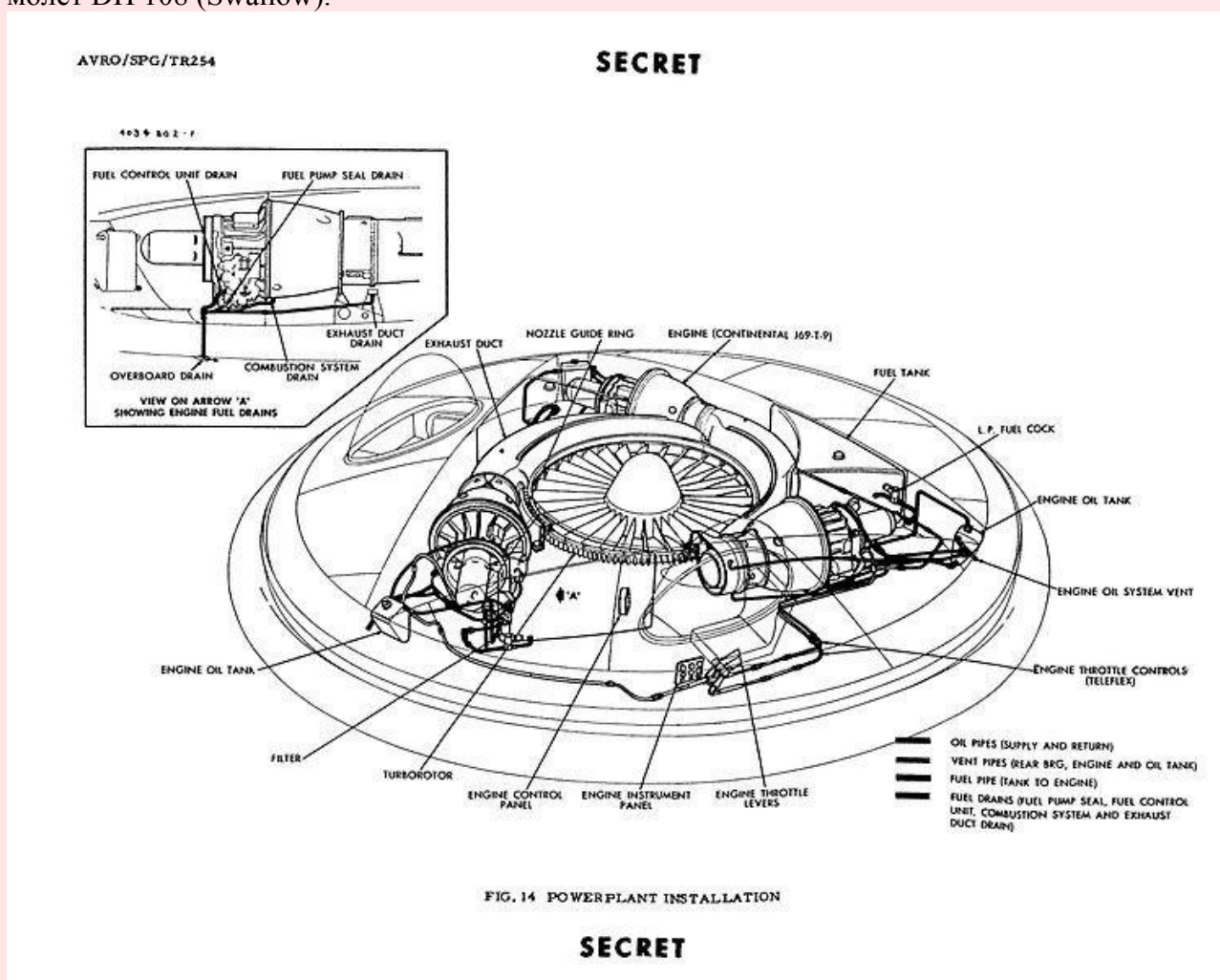

Схема одной из модификаций двигателя Фроста, использующего "эффект Коанда"

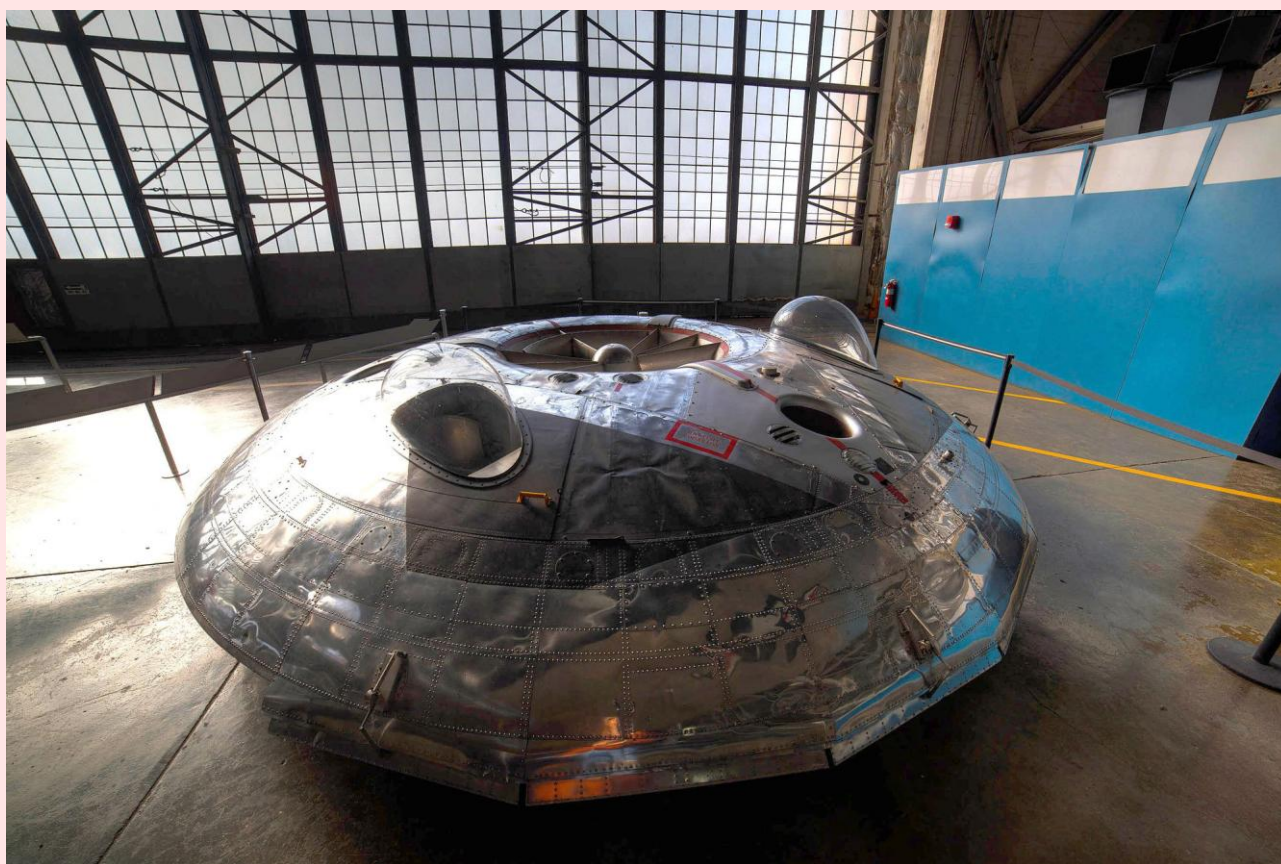
После прихода в Avro Джек Фрост взялся усовершенствовать реактивный двигатель и повысить эффективность его компрессора. В результате авиаконструктор придумал так называемый "блиноподобный двигатель" ("pancake engine"), в котором турбина через зубчатую передачу приводила в движение компрессоры и реактивная струя выходила по всей окружности двигателя. Одновременно в условиях "холодной войны" США (да и ряд других стран)

заинтересовались созданием летательных аппаратов с вертикальным взлетом и посадкой, и перспективный двигатель Фроста, казалось, как нельзя лучше подходил для таких целей.

Первым прототипом летательного аппарата с дискообразным двигателем Фроста стал Project Y. Сам аппарат при этом имел форму штыка лопаты. Проект получил поддержку министерства обороны Канады в размере 400 тысяч канадских долларов. К 1953 году Avro представила деревянный макет летательного аппарата, и новость об этом широко разошлась по средствам массовой информации. Более того, пошли слухи о планах канадцев создать летающую тарелку. Тем не менее дальнейшего финансирования Project Y не получил.

Интерес к разработкам Фроста тем временем проявили ВВС США. Авиаконструктор продемонстрировал американцам преемника "летающей лопаты" - Project Y-2. Аппарат имел дискообразную форму и использовал для увеличения подъемной силы "эффект Коанда". Основой аппарата также был круглый двигатель с ротором (для подъемной силы) и компрессорами (для создания реактивной тяги). При этом создаваемые двигателем реактивные струи обтекали куполообразный корпус, что в перспективе должно было придать тарелке огромную скорость и высоту полета.

Avro Aircraft VZ-9. Фото пользователя [Alvintrusty](#) с сайта wikipedia.org

По данным открытых источников, первый контракт на 750 тысяч долларов Фрост получил в 1955 году. В 1956 году Avro вложила в разработку летающей тарелки 2,6 миллиона долларов. Согласно рассекреченным документам, ВВС США оценивали стоимость проекта в 3,16 миллиона долларов (сегодня это составило бы около 26,6 миллиона долларов). На создание успешного прототипа Avro отвели полтора-два года. При этом американцы рассчитывали, что летательный аппарат сможет развивать скорость от трех до четырех чисел Маха (3200-4300 километров в час), преодолевать свыше 1800 километров и подниматься на высоту около 30 километров.

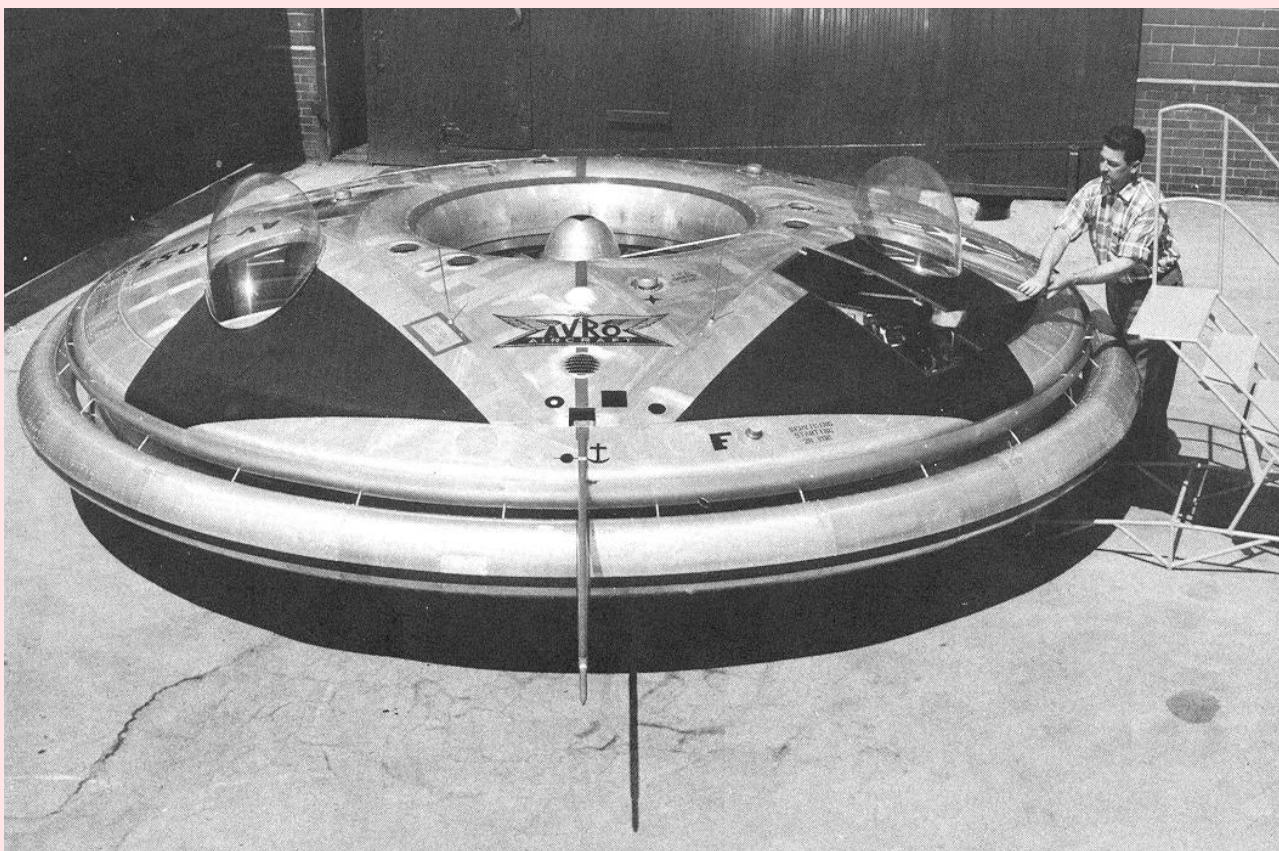

Инженеры Avro под руководством Джека Фроста работали для США несколько версий летающей тарелки (доподлинно известно о двух действующих прототипах). Несколько испытательных полетов "Проекта 1794", также известного как Avgosar и VZ-9-AV (обозначение BBC

США), даже сняли на видео.

Как видно на видеозаписи, аппарат довольно уверенно отрывается от поверхности и держится на небольшой высоте, однако на стадии перехода к полету тарелку начинает болтать из стороны в сторону. По результатам испытаний Project 1794 претерпел несколько доработок, но убедить американцев продолжить финансирование Фросту не удалось. Официально США закрыли проект летающей тарелки в 1961 году.

Avro Aircraft VZ-9

Аппарат весил 1,36 тонны и имел максимальную взлетную массу в 2,52 тонны. В диаметре тарелка достигала 5,5 метра, в высоту - чуть более метра. Силовая установка состояла

из трех турбореактивных двигателей Continental J69-T-9. Экипаж корабля был рассчитан на двух человек.

По оценкам разработчиков, VZ-9 мог развивать скорость свыше 480 километров в час, на практике же аппарат удалось разогнать лишь до 56 километров в час. Проектная дальность полета аппарата - 1600 километров, практически тарелка преодолевала лишь 127 километров. При проектном потолке в три километра аппарат смог подняться лишь на 91 сантиметр.

Что именно заставило американцев отказаться от разработки прототипа после всего лишь нескольких лет испытаний, до конца непонятно. По сути Фросту поручили создание не просто очередного самолета, а принципиально нового типа летательного аппарата, и указанные в меморандуме "полтора-два года" - совершенно нереальные для таких целей сроки.

Безусловно, идея создания летающей тарелки в 1950-е годы была не нова. Над изобретением дискообразных летательных аппаратов работали еще инженеры Третьего рейха. В 1939 году проект летательного аппарата в форме блюда с вертикальным взлетом запатентовал авиаконструктор компании Focke-Wulf Генрих Фокке (Heinrich Focke). Еще один "летающий диск", получивший название AS-6, решил построить Артур Зак (Arthur Sack), но испытания аппарата провалились. Кроме того, в 1950-е были опубликованы данные о якобы успешных разработках нацистами сразу нескольких летающих тарелок, включая "Летающий блин Циммермана"¹ и "Диск Белонце"².

Применявшийся же Джеком Фростом "эффект Коанда" впоследствии был успешно использован на американском легком многоцелевом вертолете MD-520 NOTAR (no tail rotor, "без хвостового винта"), а также на опытных самолетах QSRA и Boeing YC-14 и советских военных транспортниках Ан-72 и Ан-74 с укороченным взлетом и посадкой.

Сейчас "эффект Коанда" активно используется в разработках беспилотных летательных аппаратов с вертикальным взлетом и посадкой. Принцип их работы во многом схож с тем, который предлагал для своих летающих тарелок Джек Фрост, за исключением применения реактивных двигателей. К примеру, радиоуправляемый БПЛА производства компании Aesir легко поднимается на высоту нескольких метров и при этом обладает высокой маневренностью.

О планах США или какой-либо другой страны вложиться в разработку современных летающих тарелок пока неизвестно. Однако с учетом активного развития беспилотных систем и робототехники можно с большой вероятностью предположить, что компактные летающие тарелки в ближайшее время займут свое место в вооружении ведущих стран мира.

Алексей Михалёв

P.S. Очень хотелось убрать, несоответствующее истине, название этой статьи. Никаких инопланетных технологий здесь не присутствует. Дисковидная форма привлекала авиаконструкторов давно, но и о сложности управления подобными аппаратами они догадывались. Реальный самолет близкой к диску формы видный американский ученый - аэродинамик Чарльз Циммерман запатентовал в 1938 году. (см. ВВ № 3, 2012)

¹ «Летающий блин» Циммермана — летательный аппарат дисковидной формы, предположительно разработанный немецким конструктором Генрихом Циммерманом и испытанный в 1942—1943 годах на полигоне Пенемюнде. Предположительно, был оснащен газотурбинными двигателями и мог достигать горизонтальной скорости до 700 км/ч; имел сходство с перевернутым вверх дном тазом диаметром 5—6 метров, с каплевидной прозрачной кабиной в центре корпуса. На земле опирался на небольшие резиновые шасси. Для взлёта и горизонтального полёта, видимо, использовались управляемые сопла. Ввиду невозможности точного регулирования тяги газотурбинных двигателей или по каким-то другим причинам был очень неуклюжим в полёте. В настоящее время достоверных свидетельств существования этого аппарата не существует.

² Диск Белонце — летательный аппарат дисковидной формы, предположительно созданный немецкими учёными (в частности, Виктору Шаубергеру приписывают создание так называемого вихревого двигателя, который якобы использовался в диске) в конце Второй мировой войны. Никаких достоверных доказательств существования подобного аппарата нет.

«Поставить точку, выстрелив в себя».

Какая кошка пробежала между Сталиным и Булгаковым

Николай Добрюха

АИФ №10 от 10 марта 2010

Коллаж: АиФ

Не исключено, что своим романом Булгаков хотел показать Мастеру - Сталину то, каким (по его представлениям) должен быть настоящий Мастер

10 марта 1940 года, умер Михаил Булгаков. Его роман «Мастер и Маргарита» стал культовым, о нём по-прежнему спорят литературоведы, по мотивам книги снимают фильмы...

Между тем загадкой для историков остаётся и сама личность великого писателя, точнее - его противоречивые отношения с вождём СССР Иосифом Сталиным. Завесу над этой тайной удалось приоткрыть, заглянув в недра архивов

Мастер жил в Кремле?

Начну с маленькой сенсации. Изучая недавно документы 20-30-х годов, я с удивлением обнаружил прямую связь между названием романа «Мастер и Маргарита» и тем, как в Москве в ту пору называли Сталина! Трудно сказать, кто первым назвал вождя «Мастер»... Бухарин ли, подразумевавший под этим, вероятнее всего, «Мастера революции»? Троцкий ли, с юности мечтавший раскрыть тайну «Мастера масонства»? Но факт остаётся фактом: ещё до того, как между собой партийные небожители стали звать Сталина Хозяином, они окрестили его Мастером!

Не исключено, что своим романом Булгаков хотел показать Мастеру-Сталину то, каким (по его представлениям) должен быть настоящий Мастер...

В свою очередь генсек пристально следил за творчеством Булгакова. Вот что, например, вождь ответил недоброжелателям писателя, критиковавшим его пьесу «Дни Турбиных»:

«...она не так уж плоха, ибо она даёт больше пользы, чем вреда». Потому что благодаря Булгакову весь мир, смотрящий эту пьесу, убеждается, что «даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав своё дело окончательно проигранным...»

Сталин поддержал и новое произведение писателя «Бег», говоря: «...Я бы не имел ничего против постановки «Бега», если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам ещё один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР...»

В то время вопрос о поездке за границу для Булгакова, НИ РАЗУ не покидавшего Родину, стоял, как никогда, остро. Почему? Ответ простой: менее удачные собратья по искусству под видом требований коммунистической чистоты литературных рядов, а на самом деле в борьбе за место под солнцем, сумели сделать так, что его перестали печатать, а постановку пьес запретили.

Даже Маяковский, затравленный этой «братией», вынужден был пустить в себя пулю. Булгаков же стал писать во все инстанции: дескать, если я со своим творчеством не нужен в СССР, то... хотя бы отпустите туда, где могу пригодиться! Однако ответом было глухое

молчание до тех пор, пока, видимо, напуганные самоубийством Маяковского (14 апреля 1930 г.) «идейные функционеры» не передали письмо Булгакова от 28 марта 1930 г. Сталину, который вскоре сам позвонил опальному писателю. Судьба Булгакова вроде бы стала налаживаться: ему нашли хорошую работу, стали возвращать на сцену пьесы, делать новые литературные заказы... Однако так продолжалось недолго.

Что же произошло? Совсем недавно вождь сам предложил: «Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами». Но встреча не состоялась, и телефонных звонков больше не было! Большой разговор, в котором Сталин, судя по всему, рассчитывал склонить Булгакова на переход в число своих сторонников, был отменён... Позже (26.07.1931) в письме Вересаеву он напишет: «Год я ломал голову, стараясь сообразить, что случилось? Ведь не галлюцинировал же я, когда слышал его слова?.. Что произошло? Ведь он же хотел принять меня?..» А перед этим письмом Вересаеву 30 мая 1931 г. он написал Сталину:

«...Хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское моё мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам... Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года оставил резкую черту в моей памяти... Я не избалован разговорами». Почему же Сталин вдруг прервал отношения? Причины оказались до боли обыденными: всё решили дурные слухи и клевета.

«Страдаю припадками»

Сперва гонители булгаковского таланта добились устранения его пьес из всех советских театров. Затем, чтобы Сталин не реагировал на жалобы затравленного писателя, использовали подлый приём - вождя стали убеждать: дескать, на слова Михаила Афанасьевича всерьёз реагировать не стоит, потому что он - обычный душевнобольной человек... К сожалению, этому способствовал и сам Булгаков, писавший друзьям, знакомым и вообще во все инстанции, в том числе и Сталину, что «серьёзно болен» - страдает сильными психическими расстройствами. Так 30 мая 1931 г. он решает сообщить следующее: «Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! <...> С конца 1930 года я хвораю тяжёлой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен...» В. Вересаеву (22.07.1931) он признаётся, что склонялся к самоубийству: «Если бы Вы не пришли и не подняли мой дух, я был уже готов - «поставить точку, выстрелив в себя...»

Между тем проблемы со здоровьем у Булгакова наметились ещё в 1923 г., о чём, разумеется, тоже докладывали Сталину. Сам Михаил Афанасьевич писал тогда так: «Живу я как сволочь - больной и всеми брошенный...» Не лучше оценивал он своё состояние и летом 1926 и 1929 гг.: «Я сейчас, испытывая головные боли, очень больной... доведённый до нервного расстройства...» Естественно, на здоровье сказалась и травля со стороны коллег. 3 сентября 1929 г. Булгаков написал Горькому: «Всё запрещено, я разорён, затравлен, в полном одиночестве».

Положение начало было меняться после упомянутого звонка Сталина 18 апреля 1930 г. Уже на другой день «М. А. пошёл в МХАТ, и там его встретили с распростёртыми объятиями», но, судя по всему, затаили злобу до удобного случая.

10 мая 1930 г. мхатовское начальство предложило жившему впроголодь Булгакову написать заявление о приёме на работу режиссёром. Однако тут же по чьему-то указанию урезали его возможности для связи с высоким руководством: 1 июня 1930 г. он в отчаянии написал: «У меня сняли телефон и отрезали таким образом от мира».

Но самое страшное ждало его впереди. 7 августа 1930 г. не вылезавший из долгов Булгаков сообщал жившему в Париже родному брату Николаю: «...Какие-то сукины сыны распространили слух, что будто бы я получаю по 500 рублей в месяц (тогда это были большие деньги. - Авт.) в каждом театре. Вот уже несколько лет, как в Москве и за границей вокруг моей фамилии сплетают вымыслы. Большею частью злостные». Начали шушукаться: Булгаков не только душевнобольной, но и... морфинист, который не представляет уже жизни без наркотиков! А ещё, мол, писатель «одержим одним желанием - уехать за границу». Дескать, он передал за кордон пьесу «Зойкина квартира», которую недавно запретили показывать в советских театрах и которую Булгаков специально переделал по запросам Запада - для чего представил в самом чёрном свете образы Ленина и Сталина...

«В паспортах отказано»

Разумеется, подобные слухи не могли не дойти до Сталина. Судя по всему, именно по этой причине он отказался от намерения встретиться с Булгаковым. А писатель, узнав, что заграничные переводчики исказили его пьесу «Зойкина квартира», 31 июля 1934 г. обратился с письмом на Запад: «В первую очередь прошу Вас исправить то искажение моего текста, которое находится в первом акте... Слово «Сталин» у меня нигде нет, и я прошу вычеркнуть его. Вообще, если где-нибудь ещё по ходу пьесы вставлены имена членов Правительства Союза ССР, я прошу их вычеркнуть». Однако исправлять ситуацию было уже слишком поздно: Сталин был шокирован всем тем, что ему наговорили о Булгакове.

...В конце апреля 1934 г. Булгаков подал заявление, в котором «испрашивал разрешение на двухмесячную поездку за границу в сопровождении... жены Елены Сергеевны Булгаковой». И уже 17 мая ему сообщили, что «относительно вас есть распоряжение», и что платить за паспорта не надо, так как для Вас «паспорта будут бесплатные»... и буквально завтра! Но... неожиданно выдачу паспортов стали откладывать со дня на день, а 7 июня вдруг без объяснений было заявлено, что в паспортах отказано... Причём Булгакову сказали: «Вы сами понимаете, я не могу вам сказать, чьё это распоряжение...»

Так между Булгаковым и Сталиным пробежала «чёрная кошка», доставленная разведкой НКВД, осведомлённой во всём, что готовилось против СССР на Западе, - с лёгкой руки «творчески подошедших к делу переводчиков»...

«Накрылась» и постановка пьесы «Бег» во МХАТе. А ведь были все надежды, что она выйдет, о чём ещё 14 сентября 1933 г. Булгаков написал в Париж: «В «Беге» мне было предложено сделать изменения (см. выше предложение Сталина на этот счёт! - Авт.). Так как изменения эти вполне совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на йоту не нарушают писательской совести, я их сделал».

На лето 1935 г. был намечен Международный конгресс писателей в Париже. Среди ведущих советских литераторов возникла обычная по такому случаю склока: кому важнее поехать?! Примечательны следующие строки из письма А. Щербакова (поставленного от имени партии курировать советских писателей) Горькому от 15 мая 1935 г.: «Шолохов попросил т. Сталина освободить его от поездки в Париж. И. В. дал согласие и предложил наметить другого кандидата. И. В. также дал согласие включить одного делегата белорусской литературы». Булгаков в список не попал...

Булгаков в колпаке Мастера в своем кабинете с Еленой Сергеевной. 1936 год.

...Так Сталин разочаровался в авторе «Мастера и Маргариты». Так Булгаков разочаровался в Сталине... Правда, на исходе жизни писатель попытался сделать шаг навстречу советскому вождю, сочинив к его 60-летию в 1939 г. пьесу «Батум» о героическом революционном прошлом молодого Сталина. Но Сталин её не принял. Впрочем, не без ведома вождя, Фадеев навел на тяжело больного Булгакова примерно за месяц до смерти и обсудил с ним возможность «поездки на юг Италии для выздоровления»...

Анна Ахматова

Памяти М.А. Булгакова

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит

И на твоей безмолвной тризне.
О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей, -
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

1940. Фонтанный Дом

Максим Калашников

ДИКТАТУРА РАДИ ДЕМОКРАТИИ

Почему Рузвельту удалось одолеть олигархию и остановить американский фашизм?

"ВЕРНУТЬ АМЕРИКУ ЕЕ НАРОДУ"

Ф.Д. Рузвельта (ФДР) можно смело назвать демократическим диктатором. Тем, кого избрали для преодоления тяжелейшего кризиса. Причем кризиса не только США, но и всей капиталистической системы планеты. Ибо если бы Великую депрессию в Америке не удалось побороть, то реальностью стало бы установление фашистского режима не только в Германии, Италии, Испании, Португалии, Венгрии, Румынии, но и в самих США, а затем, возможно, и по всему западному миру.

Демократический диктатор избирается для того, чтобы в некий промежуток времени спасти ситуацию, преодолеть хаос - и затем вновь вернуть прежнюю представительную демокра-

тию с выборами, парламентаризмом, правами человека и прочее. Рузвельт стоял у власти практически столько же, сколько и Гитлер (фактически - те же 12 лет между 1933 и 1945 годами). Ему удалось преодолеть кризис капитализма, проведя чрезвычайно успешную для Америки Вторую мировую войну. Говорят, смерть ФДР не была естественной, но с его кончиной произошел отход от чрезвычайных форм управления к более или менее демократическим.

Но в начале своего правления Ф.Д. Рузвельт был вынужден идти на чрезвычайные меры и ограничения демократических прав со свободами. Говорят, что это делалось с полного согласия американской элиты. Но сие - явное преувеличение. Часть правящей промышленно-финансовой олигархии буквально ненавидела Рузвельта. С ней ему приходилось бороться. Правда, сравнительно мягкими способами, но все же...

Рузвельт и те, кто за ним стоял, понимали: сами капиталисты, движимые частным интересом, не в силах вывести капитализм из кризиса. В 1932 году ФДР, еще только выдвигая себя в кандидаты на президентских выборах от Демократической партии США, в речи на партийном конвенте заявил:

"Я клянусь вам, я клянусь себе проводить новый курс для американского народа. Пусть мы, собравшиеся здесь, станем пророками нового порядка, знания и мужества... Помогите не только получить голоса, но и победить в крестовом походе - вернуть Америку собственному народу!"

"Вернуть Америку ее народу": При желании в этом мотиве можно найти переклички с идеологическими установками как крайне правых, так и крайне левых политических течений того исторического периода. Однако именно такая форма диалога с обществом была продиктована реалиями тогдашнего жестокого времени.

ПРОТИВНИК - АМЕРИКАНСКИЙ ФАШИЗМ

Угроза победы национал-социалистических или фашистских сил в Америке начала 30-х годов была весьма реальной. Страдания простого народа были настолько велики, что огромную популярность набирали такие политики, как луизианский сенатор Хью Лонг и радиопроповедник отец Коффлин.

"На Среднем Западе летом 1932 года со скоростью степного пожара распространилось забастовочное движение фермеров. Они требовали повысить цены на сельскохозяйственные продукты, урезав баснословные прибыли посреднических фирм, выдачи пособий нуж-

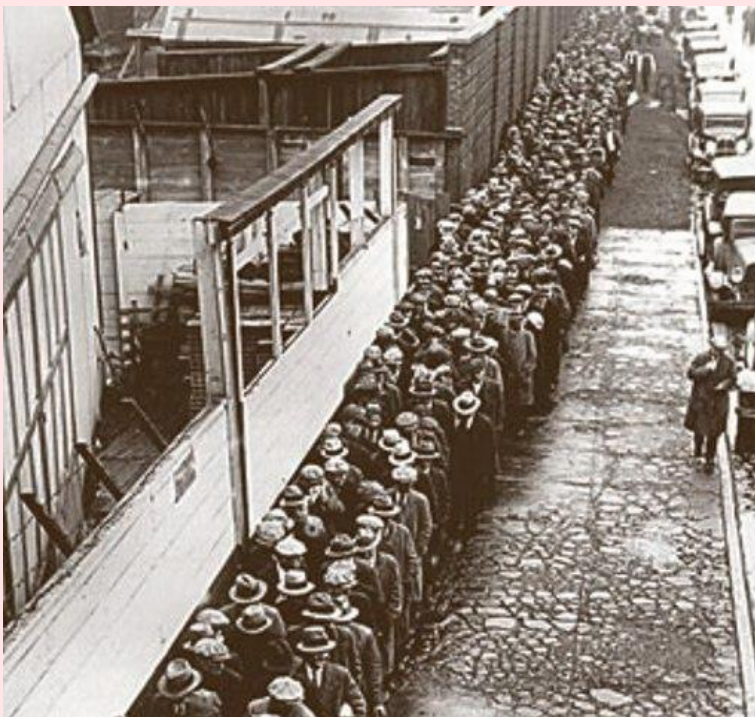
дающим, прекращения продаж имущества разорившихся. Центром борьбы стал кукурузный пояс, прежде всего штат Айова. Фермеры прекратили поставку продовольствия в города, их пикеты возвращали машины, останавливали поезда. В стачку включались фермеры штатов Небраска, Миннесота, Висконсин, Иллинойс, Северная и Южная Дакота. Безработные городов стали объединять свои усилия с фермерами, начали возникать комитеты действия. Террор властей не дал ощутимых результатов. Как рассказывал очевидец комитету конгресса, фермер заявил ему: "Мы должны провести революцию, как в России". Движение удалось остановить заверениями провести реформы после президентских выборов. Фермеры поверили на слово, но твердо заявили: если их обманут, весной 1933 года разразится национальная забастовка.

Два миллиона бездомных искали доли в других городах. Штат за штатом принимали меры, чтобы не допустить "бродяг". В Калифорнии создаются концентрационные лагеря, на дорогах выставляются заслоны. Дети кризиса - голодные школьники, "сонные на уроках". "Ты бы пошла домой поела", - говорит учитель школьнице. "Не могу, сегодня очередь есть моей сестры". Голодные учителя, отрывающие от себя центы, чтобы накормить школьников... - так описывает обстановку в США биограф Рузвельта, советский историк Н.Н. Яковлев.

Над США встала угроза голода, войны между городом и деревней, рыскающих по сельским районам продовольственных отрядов (как у нас в Гражданскую войну) - с перспективой кровопролитной внутриамериканской войны. Немудрено, что многие американцы с завистью смотрели кто на СССР, кто на германский Рейх.

5 декабря 1932 года у Капитолия в Вашингтоне собралась демонстрация. Люди требовали накормить голодных и ввести чрезвычайный налог для богатых. Полиция с трудом разогнала митинг. Но вскоре толпа митингующих захватила здание местного конгресса в столице штата Небраска, Линкольне. Пять тысяч учителей штурмовали банки в Чикаго. В Оклахоме и Миннеаполисе голодные толпы захватывали продовольственные магазины.

В 1932 году ФДР заявил: "Встречать реакцией опасность радикализма означает собственными руками подготовить катастрофу. Реакция не служит препятствием для радикала, она вызов, провокация. Эту опасность нужно встречать реальной программой реконструкции... Мы встретили чрезвычайное положение чрезвычайными мерами. Значительно более важным было то, что мы добрались до корней проблемы и занялись причинами кризиса. Мы против революции. Поэтому мы объявили войну тем условиям, из которых вырастают революции..."

Нью-Йорк, США. 1932 год. Очередь за бесплатным муниципальным обедом

венными руками подготовить катастрофу. Реакция не служит препятствием для радикала, она вызов, провокация. Эту опасность нужно встречать реальной программой реконструкции... Мы встретили чрезвычайное положение чрезвычайными мерами. Значительно более важным было то, что мы добрались до корней проблемы и занялись причинами кризиса. Мы против революции. Поэтому мы объявили войну тем условиям, из которых вырастают революции..."

Нью-Йорк, США. 1932 год. Очередь за бесплатным муниципальным обедом В 1932 году Х. Лонг повел активную пропагандистскую кампанию. Он обещал объединить радикалов из Республиканской и Демократической партий и заставить американских богачей расстаться со своими богатствами.

Ему жадно внимали: в то время простые американцы ненавидели крупный бизнес, что довел страну до экономического краха своими спекуляциями. С 1934 г. Лонг выдвигает программу: минимальный годовой доход - 2 тысячи долларов на семью, дешевая еда, бесплатное образование. Союзник Лонга, отец Коффлин, призывал к национализации банков и природных богатств США - ради обеспечения достойного жизненного уровня простых американцев. При этом Коффлин был ярким антикоммунистом и юдофобом, а Рузвельта ставил в один ряд с "безбожными капиталистами, евреями, коммунистами, международными банкирами и плутократами". Радиопроповеди национал-социалиста Коффлина пользовались бешеным успехом: он получал 80 тысяч писем в неделю, слушатели присылали ему пожертвования - до полумиллиона долларов в год!

В Калифорнии общественный активист Таунсенд выдвинул свою программу: каждый гражданин США по достижении 60 лет должен получить пенсию размером 200 долларов в месяц, которую обязан истратить в течение тридцати дней. Таким образом страна получит платежеспособный спрос, а люди - обеспеченную старость. К началу 1935 г. в США работало более 2 тысяч клубов Таунсенда.

В середине 1935 г. Лонг оказался на гребне популярности. У Рузвельта никак не получалось вытащить страну из кризиса, жизнь простого янки оставалась трудной. Речи Лонга, передаваемые по радио, собирали по 25 миллионов слушателей одновременно. Лонг обещал после прихода к власти создать Корпорацию по справедливому разделению национальных богатств. Страна покрывалась сетью клубов приверженцев Лонга и деления богатств. Лонг был в шаге от формирования сильной партии. Лонга поддерживали и богатые спонсоры, часть мафиозных кланов. В родной Луизиане Лонг тратил федеральные средства на открытие больниц для бедных, на помощь неимущим семьям и безработным, на программы бесплатного питания для детей. Летом 1935 г. Рузвельт был столь напуган ростом популярности Лонга, что призвал свое окружение выдать некоторые идеи неистового сенатора за свои.

Лонг к выборам 1936 года планировал создать сильную Партию деления богатств и победить на президентских выборах если не в том же, то в 1940 году. Популярность его достигла столь высоких показателей, что у него завелись спонсорские взносы от ряда крупных банков и монополий. Лонг успел написать и издать книгу "Мои первые дни в Белом доме", где анонсировал, что намерен сделать сразу же после прихода к власти. А именно: учредить Федеральную корпорацию деления богатств, ввести уравнительный принцип распределения доходов, а правительство составить по принципу "кабинет талантов".

ПОЧЕМУ ВСЕ ОБОШЛОСЬ БЕЗ РЕПРЕССИЙ?

Чтобы не допустить фашизации Соединенных Штатов, Ф. Рузвельту пришлось использовать в своей внутренней политике методы, которые трудно не назвать авторитарными. Однако отдадим должное ФДР: его администрация смогла вывести страну из катастрофы, не прибегая к массовым репрессиям, конфискации богатств, национализации банков и крупных корпораций. Рузвельт сумел заставить частный бизнес поделиться частью своих доходов с простым народом. Но для этого пришлось использовать весьма и весьма жесткие меры. С самого начала Рузвельт добился от законодателей предоставления президенту чрезвычайных полномочий для борьбы с кризисом. А затем он жестко контролировал то, как голосуют за предложенные администрацией законопроекты сенаторы и конгрессмены от его Демократической партии. Именно благодаря строгому контролю над парламентариями Рузвельту удалось провести закон о мегапроекте: создании колоссальной гидроэнергосистемы в долине реки Теннесси. Хотя контролирующая энергетику Юга США компания "Коммонуэлс энд Саузерн" требовала передать распределение и продажу электричества в частные руки, а конгрессмен Дж. Мартин назвал план Рузвельта "образом и подобием советских планов".

При Ф. Рузвельте наблюдается расширение полномочий федерального правительства и урезание прав администраций штатов. Оно и понятно: "Новый курс" требовал централизации власти и распределения ресурсов. Хотя выборность губернаторов не отменялась.

В "Новом курсе" ФДР мы видим невиданное до того усиление исполнительной власти, сокрытие ее работы завесой секретности. Рузвельт часто заменяет законы президентскими указами. Мы видим укрепление спецслужбы (ФБР) и рост ее влияния в жизни Соединенных Штатов. Действительно, Федеральное бюро расследований, организованное и возглавляемое в те годы Эдгаром Гувером, стало неким аналогом советского НКВД. ФБР стало обладать большими полномочиями в борьбе с организованной преступностью. Развивалась сеть тайных осведомителей - так же, как и в Советском Союзе. В 1940 г. под предлогом борьбы с пронацистскими элементами ФБР получило широчайшие полномочия. А в 1941 г. Рузвельт получает в свое распоряжение Управление стратегических служб (УСС), предшественника ЦРУ. Именно УСС становится инструментом политики президента - вплоть до тайных операций и убийств.

Правящие круги Америки, промышленники и финансисты, скрепя сердце, приняли политику Рузвельта из страха "потерять все", и именно это позволило избежать репрессий. Но, надо сказать, у ФДР постоянно находились влиятельные противники в истеблишменте. Само собой, были они в Республиканской партии. Но имелись и в родной партии Рузвельта, Демократической. Например, в 1934 году демократы - противники ФДР основали Лигу американской свободы, куда вошли семья Дюпонов и глава *General Motors* Надсен. Лига заявляла, что президент нарушает права штатов, чрезмерно расширяя prerogatives федерального правительства, а заодно нарушая принципы частного предпринимательства. Звучали обвинения и в том, что ФДР внедряет в жизнь США русскую (советскую) практику. Однако стать серьезной оппозицией Лига так и не смогла.

В свою очередь, Рузвельт всюду использовал общественные антиолигархические настроения, то и дело обрушиваясь в своих выступлениях на сверхкрупный бизнес - экономических тиранов и диктаторов. Так, на конвенте Демпартии 27 июня 1936 года он заявил, что в Филадельфии 4 июля 1776 года (день и год провозглашения независимости американских штатов от Британской империи) была уничтожена политическая тирания. Но теперь американцы должны покончить со всевластием финансово-промышленной олигархии - экономической тиранией. *"Эти привилегированные князья новых экономических династий, жаждущие власти, стремятся поставить под контроль само правительство. Они создали новый деспотизм, освятив его законом... Экономические роялисты жалуются, что мы хотим опрокинуть американские институты. На самом деле они жалуются на то, что мы стремимся отобрать у них власть..."*

ФДР ставил на поддержку простых людей. Он все время призывал рабочих и мелких предпринимателей объединиться и очистить Уолл-Стрит, средоточие крупнейшего финансового капитала. Как заявил союзник ФДР, сенатор-республиканец Бора, главной движущей силой в политике становятся рабочие, мелкие бизнесмены и миллионы тех, кто безвинно лишился всех сбережений в кризисные годы. <Им предлагают конституцию, но народ не ест конституцию>. В предвыборной кампании 1936 г. Рузвельт заявлял, что сможет обуздать крупный капитал. *"...Мы будем стремиться улучшить условия труда рабочих Америки - сократим рабочий день, повысим заработную плату, ныне обрекающую на голодную смерть, - положим конец детскому труду, уничтожим потогонную систему. Конечно, мы будем всеми силами бороться с монополиями в бизнесе, поддерживать коллективные договоры, прекратим несправедливую конкуренцию, покончим с постыдными приемами в торговле. За все это мы только начинаем бороться..."*

И народ, привлеченный антиолигархическими речами ФДР, шел за ним. При этом Рузвельту не пришлось устраивать каких-либо "дел Ходорковского". Ему хватило государственного регулирования, ассигнований из бюджета на экономические и социальные программы и

давления на частный бизнес с помощью организованного рабочего движения (забастовок). Сыграло свою роль и то, что среди приверженцев Рузвельта оказался и глава Федеральной резервной системы М. Экклз. То есть глава никем не избираемой финансовой власти Соединенных Штатов.

Критический момент наступил в 1937-м, когда страну постиг новый спад производства и всплеск безработицы. Но тогда ФДР пошел на серию тайных переговоров с представителями сверхкрупных корпораций, вызывая их к себе в Белый дом по одному. По времени эти закулисные переговоры совпали с резким усилением рабочего забастовочного движения. ФДР получил поддержку олигархов. Часть их он активно привлекал к работе на государственных постах. А в 1938 году ФДР провел закон о повышении минимальной заработной платы с 25 центов до 40 центов за час работы в течение последующих семи лет. Рабочая неделя при этом сокращалась с 44 часов до 40 часов. Закон касался только рабочих на предприятиях федерального (межштатного) значения, но косвенно влиял на все предприятия.

В 1938 году Рузвельт создал временную национальную комиссию для расследования монополизации в промышленности Соединенных Штатов. Он с пафосом заявил, что в стране 1,5% населения получает столько же доходов, сколько 47% населения из низов. А, мол, самое свободное государство в мире не может долго продержаться, если его законы обеспечивают колоссальное накопление богатств наверху и ужасающую нищету - внизу. Однако все это было больше психологическим оружием для успокоения масс и давления на олигархию. Антимонопольная комиссия, проработав вопрос, не порекомендовала государству никаких крутых мер по отношению к частному бизнесу.

Надо сказать, что Рузвельту объективно приходилось легче, чем, скажем, В. Путину. Американские олигархи занимались промышленностью, работавшей в основном на американский рынок. Им можно было доказать, что повышение доходов рабочих и простых американцев позволит компаниям увеличить производство и повысить их, олигархов, прибыли. А в РФ олигархия контролирует в основном добычу полезных ископаемых и производства по первичной переработке сырья, ориентированные на экспорт. Для такого бизнеса население самой РФ - только бесполезная обуза. Такому крупному бизнесу даже лучше, если местное население пребывает в нищете: тем легче найти согласных на маленькие заработки работников на промыслы. Так что у Рузвельта была в основном суверенная индустриальная экономика, тогда как в распоряжении Путина - экономика деградировавшая, полуколониальная. Потому во внутренней политике РФ объективно приходится использовать не только убеждение, но и силовое давление на олигархический бизнес.

Столкнувшись с сопротивлением «Новому курсу» со стороны Верховного суда, где сидели в основном престарелые консерваторы, Рузвельт предложил его реформировать: отправлять в отставку тех, кому более семидесяти лет. Этот план вызвал оппозицию даже среди демократов - приверженцев ФДР. Но судьи, убоявшиеся отставки, начали один за другим признавать конституционными важнейшие рузвельтовские законы: о социальном обеспечении, о минимальной ставке оплаты труда и другие.

АМЕРИКУ СПАСЛА ВОЙНА

Тем не менее, не исключено, что в конце концов ФДР был бы все же «съеден» крупным бизнесом, прекрасно помнившим сверхприбыли 1920-х годов. Тем паче, что "Новый курс" все никак не мог вытянуть США из трясины. Рузвельт только на шаг опережал нагоняющий экономику кризис. В 1938-м Рузвельт столкнулся с тем, что на выборах в Конгресс его противники-республиканцы смогли удвоить свое представительство. Теперь Конгресс не был столь послушен ФДР. «Новый курс» буксовал. В стране все еще было 10 миллионов безработных. Государственный долг США разбух с 18,7 млрд долларов в 1932-м до 34,7 млрд в 1938-м. Сказалось то, что ФДР бросал громадные суммы на государственные программы за-

нятости. Уровня производства 1929 года так и не удалось достичь. Только удачное вступление Америки во Вторую мировую позволило избежать катастрофы. Крупный бизнес получил желанные сверхприбыли через щедрые военные заказы, а военное время позволило регулировать экономику в полусоциалистическом духе. Впрочем, еще в 1938 г. Рузвельт сказал:

"Ни одна страна не разрешила удовлетворительным образом проблему, как дать народу работу во время депрессии. Единственный метод, разработанный до сих пор, который, по-видимому, обеспечивает 100 процентов восстановления или около этого, заключается в переходе на военную экономику..."

Известие о вторжении немцев в Польшу Рузвельт принял с чувством глубочайшего облегчения:

"Вскоре после двух часов ночи 1 сентября 1939 года настойчивый звонок телефона на столике у постели разбудил Рузвельта. Полусонный, он взял трубку. По закрытому каналу связи А-3 докладывал из Парижа американский посол Буллит.

- Слушаю, Билл.

- Тони Биддл только дозвонился до меня из Варшавы. Немецкие дивизии глубоко вторглись в Польшу. Идут тяжелые бои. Тони сообщает, что над Варшавой немецкие самолеты. Затем связь прервалась.

- Прекрасно, Билл. Наконец свершилось. Да поможет нам бог.

...Ранним утром Буллит и Кеннеди сообщили, что Франция и Англия объявят войну Германии, если она не прекратит военных действий против Польши..." - читаем в труде Н.Н. Яковлева.

А позже Рузвельт окажет поддержку Черчиллю. В то время - морскому министру Англии. ФДР (неслыханное дело) будет поддерживать с ним секретную переписку и приложит все усилия, чтобы сделать Черчилля премьер-министром Британии. Ведь Чемберлен склонялся к тому, чтобы пойти на новое соглашение с Германией и тем самым предотвратить войну. Рузвельту нужен был именно Черчилль, который стоял за войну с Гитлером. Ведь только тогда война разгоралась до мировых масштабов, спасая экономику США и возводя доллар к вершинам мирового доминирования. А в 1940 году, когда война уже разгорелась, ФДР делает решительный шаг к примирению с республиканцами: назначает военным и морским министрами своего кабинета именно республиканцев - Стимсона и Нокса.

Война спасла США. Если в 1940 г. в стране насчитывалось 10 млн безработных, то в 1943-м - только 0,8 млн. Рузвельт добился успеха.

Таким образом, во внутренней политике "Нового курса" прослеживаются все черты авторитаризма в образе "имперского президентства". И усиление исполнительной власти, и манипуляция общественными силами, и всевластие спецслужб, и раскол финансово-промышленной олигархии с умелой игрой президента на противоречиях в ее стане. И опора на низы, которые становятся средством давления на богатые верхи.

Естественно, имперское президентство в США опиралось на мощь средств массовой информации. При этом Рузвельт ставил на радио (телевидение тогда еще было в зачаточном

состоянии). Сам он участвовал в передаче "Беседы у камелька", зачитывая письма, приходившие от рядовых американцев в Белый дом, комментируя необходимые изменения в политическом курсе. "Новый курс" пропагандировался даже в мультфильмах серии "Луни Тюнз" тех лет: там было полно мультягиток. В пропагандистском ключе работал и Голливуд.

Оппозиционная пресса не закрывалась до начала 1942 года, и только в самый разгар военного времени было закрыто три десятка СМИ, причем их издатели угодили в тюрьму.

Одним словом, внутренняя политика "имперского президентства" ФДР была достаточно авторитарным и рискованным предприятием. Оно повергло бы в ужас нынешних либералов и "правозащитников". Но жестокое время требовало жестких решений.

"ИМПЕРСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО" ПОСЛЕ РУЗВЕЛЬТА

Примечательно, что в США следующая попытка ввести "имперское президентство" относится к началу 1970-х годов. Тогда США вновь оказались в тяжелом кризисе. Страна терпела поражение во Вьетнаме, доллар лихорадило (был введен отказ менять его на золото), бушевали гражданские бунты. Соперник США, Советский Союз, был на подъеме и теснил американцев. В довершение всего разражается энергетический кризис 1973 года с фантастическим взлетом цен на нефть. Американскую экономику лихорадит, на бензоколонках выстраиваются очереди. Обезумевшие толпы сметают товары повседневного спроса с прилавков магазинов. В среде американского студенчества и интеллектуалов со скоростью пожара распространяются левые, марксистские, социалистические идеи.

В эти годы президент Ричард Никсон (1969-1974) пытается вновь ввести "имперское президентство" для борьбы с охватившим США кризисом. Для начала РН стал добиваться ликвидации контроля Конгресса над деятельностью своей администрации, требовал безотчетного расходования своим кабинетом специальных финансовых фондов, ужесточения секретности в действиях администрации. Затем он потребовал права использовать чрезвычайные полномочия, ранее данные ему для борьбы с внешними врагами, против политических противников внутри Штатов. Оправдывая нарушение законов, Никсон ссылаясь на интересы национальной безопасности. Он создал в Белом доме секретный отдел, занимавшийся фальсификацией политических и архивных документов, обысками в госучреждениях, прослушиванием телефонов государственных чиновников, сотрудников иностранных миссий и журналистов. И, конечно же, "врагов", как Никсон называл политических оппонентов.

Он вел дело к государственному перевороту. "Имперское президентство" должно было стать плебисцитарной диктатурой. Президент в версии Никсона должен был отчитываться лишь перед избирателями раз в четыре года. Он получает от народа мандат доверия, а дальше правит без вмешательства Конгресса или общественности, обладая неограниченным правом решать вопросы войны и мира, расходования или экономии государственных средств, засекречивания или рассекречивания своих действий. Подвергать преследованиям и наказывать своих политических оппонентов. Все это - исключительно в интересах американского народа. В общем, получался президент-монарх.

Однако Никсона свалили в результате Уотергейтского скандала 1974 г., когда его уличили в прослушивании своих политических оппонентов. Под угрозой импичмента Никсон ушел. Сменивший его президент Форд заявил, что с "имперским президентством" покончено навсегда. Но именно 1974-1981 годы стали для США полосой кризиса, сдачей позиций, отступления под натиском СССР. Все это удалось преодолеть только при Рейгане (1981-1989 гг.), когда были вновь использованы многие элементы "имперского президентства" в борьбе с Советским Союзом, на последнем этапе "холодной войны".

Обращение к опыту "имперского президентства" (правда, в карикатурном виде) мы увидели в правление Буша-младшего, после 11 сентября 2001 г. Однако тут США потерпели впечатляющий провал: кризис не преодолен, в военном плане наблюдается явное поражение. Видимо, мир стал намного более сложным, нежели в 30-е и 70-е годы XX столетия.

НУЖНО ЛИ "ИМПЕРСКОЕ ПРЕЗИДЕНСТВО" РОССИИ?

Аналогии между американским "имперским президентством" и правлением В. Путина в политике очевидны. Чего, увы, не скажешь об экономической политике. Здесь РФ не может сравниться даже с Америкой Рейгана. Тот хотя и позиционировал себя в качестве "антирузвельтиста" и ярого либерала в экономике, все же шел на беспрецедентное увеличение военных расходов и траты на важнейшие научно-технические программы при урезании социальных расходов. В РФ хотя "социалка" и сокращается, но государство не в состоянии обеспечить нормальное использование растущих оборонных затрат, не может вывести из упадка высокотехнологичный сектор промышленности и науку. Во всяком случае, пока. К тому же, наш вариант "имперского президентства" сочетается с тем, чего не знали ни Рузвельт, ни Никсон, ни Рейган, - с чудовищным размахом коррупции и "оффшорностью" элиты РФ (связывающей свое будущее не с родной страной, а с Западом, рассматривающей РФ как колонию для грабежа и вывоза богатств на Запад). Факт остается фактом: РФ никак не удастся перейти с траектории "сырьевой деградации" на путь инновационного, научно-промышленного подъема. Не удастся остановить процесс обнищания граждан страны.

В этой ситуации <имперское президентство> жизненно необходимо России. Но оно нуждается в больших усовершенствованиях. Каких же? Дерзнем их предложить.

1. Нужен решительный отказ от <политики открытых дверей> либерализма в экономике и введение разумного протекционизма.

2. Необходимо создание разветвленного механизма поддержки принятия решений "имперским президентом" - в виде развитой системы <мозговых фабрик> и профессиональных корпораций. Они должны помочь Главе Государства издавать нужные законопроекты и указы, строить стратегию действий, избегая зависимости от чиновничьих кланов с их недалекостью и корыстью. В высшем руководстве надо решительнее заменять ставленников сырьевых отраслей на представителей ВПК, сложной промышленности, науки.

3. Нужно четко задать цель движения РФ, а затем создать новую плановую экономику, национальную инновационную систему, принять первый пятилетний план развития.

4. Необходимо развернуть решительную борьбу с коррупцией, решительно проводить санацию госаппарата с его жесткой декриминализацией.

5. Нужно создание механизма поиска, отбора и подготовки управленческих кадров наивысшего качества и исключительного патриотизма.

6. Нужна ставка на развитие новых организационных технологий, сводящих бюрократию к минимуму и к росту "делократии".

7. Необходимо развивать местное самоуправление, ибо на этом уровне становится возможным побороть бюрократию, снизить затраты бюджетов, включить механизмы развития и внедрения инноваций в повседневную жизнь. Причем инноваций как технических, так и организационных, социальных и культурных.

8. Не обойтись и без использования давления рабочего движения и неправительственных гражданско-патриотических организаций на бизнес-олигархию РФ. "Имперский президент" может и должен опираться в своей политике на патриотически настроенные низы. Более того, через механизмы местного самоуправления и поддержку инновационных проектов он должен поднимать наверх (из глубинки в первую очередь) молодых и энергичных, по сути - новую элиту взамен старой, сложившейся в трагические для страны деградационные 90-е годы.

(При подготовке статьи были использованы книги Н.Н. Яковлева "Франклин Рузвельт: человек и политик" и "Циклы американской истории" Артура М. Шлезингера)

Опубликовано на RPMonitor.ru 20 Март 2007

P.S. Журналист и политолог Валентин Зорин в своих «Воспоминаниях», ссылаясь на труды академика Льва Николаевича Иванова и его лекцию в МГИМО в апреле 1945 года, высказывает предположение о том, что Франклин Делано Рузвельт, уже тогда выбранный народом США на 4-й срок, был отравлен, не без участия в заговоре вице-президента Трумэна, который занял Белый Дом после смерти Рузвельта. Трумэн не был единомышленником Рузвельта, и Франклин Рузвельт не доверял ему.

Родственники Ф. Д. Рузвельта многократно обращались в Конгресс США и к президентам Трумэну и Кеннеди с просьбой о расследовании внезапной смерти 32-го президента США и эксгумации тела. В чём им всегда было официально отказано. Могила Ф.Д. Рузвельта в Гайд-Парке, штат Нью-Йорк, охранялась как военный объект. Вот выдержки из статьи историка Анатолия Филиева www.filiaev@narod.ru :

«Американские законы, как федеральные, так и отдельных штатов, предписывают вскрытие тела в случае неожиданной смерти; в особенности, если дело идёт о должностных лицах, не говоря уже о президентах. Кроме того, по американской традиции, тела скончавшихся президентов выставляются в открытом гробу для прощания с ними. По смерти Рузвельта не последовало ни вскрытия, ни выставления тела. Тело поспешно было перевезено из Вашингтона в запечатанном гробу в другое имение Рузвельта, Гайд-парк в штате Нью-Йорк, где он и был похоронен. Гроб сопровождался вооружёнными солдатами, получившими приказ стрелять во всякого, кто попытается открыть гроб. После похорон могила в Гайд-парке охранялась день и ночь в течение нескольких месяцев вооружённой стражей явно с целью воспрепятствовать возможной эксгумации».

Личный врач Рузвельта, вице-адмирал Морского Министерства США, доктор Росс МакИнтайр (Ross McIntire), наблюдавший его много лет, отрицал наличие у президента атеросклероза, повышенного давления, прединфарктного состояния или какой-либо иной патологии сердечно-сосудистой системы, и утверждал, что сердце президента соответствует возрасту, 73 года.

Требовал вскрытия гроба и расследования глава СССР Иосиф Сталин. Он лично звонил после 12-го апреля в Белый Дом и разговаривал по этому поводу с госсекретарём.

МИХ. КАЗОВСКИЙ КАК ТИПИЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

(из ненаписанного школьного сочинения)

Мих. Казовский родился вьюжным февралем 1953 года в простой семье простых служащих. Его отец, «добрый малый, но педант» (А. С. Пушкин), с самого детства вскармливал мальчика классической русской и зарубежной литературой: Гоголь и Чехов, Шолом-Алейхем и Джером К. Джером не сходили с их письменного стола. Одно- временно мать Мих. Казовского, «русская душой, сама не зная почему, с ее холодной красою любила русскую зи- му» (опять А.С. Пушкин), а также все остальные времена года, и пыталась привить эти

чувства своему единственному наследнику. Так он и рос.

Рано затрепетал в Мих. Казовском дух свободолобия и свободомыслия. Будучи школьником, он уже, «мятежный, просит бури» (М. Ю. Лермонтов), и поэтому со всей решительностью порывает с рутинной полной среднего образования, предварительно получив аттестат зрелости. Точно так же поступает Мих. Казовский и с Московским университетом: он уходит с факультета журналистики сразу по получении диплома.

МИХ. КАЗОВСКИЙ

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ЛЕДИ

Весна. Солнце. Зяблики. Я сижу на балконе и, зажмурив глаза, вдыхаю утренний кислород. Я сижу, вдыхаю и чувствую, как моему сердцу хочется ласковой песни. И, разумеется, хорошей, большой любви.

Моему сердцу так хочется этой самой любви, что я даже сжимаю кулаки от нетерпения. Я знаю, какой она будет. Она будет длинноногой и голубоглазой. У нее будут удивительны© ресницы. Длинные и пушистые. Ресницы-веера. Ресницы-опахала. Она будет взмахивать ими, как крыльями. Она будет пикировать на своих ресницах, как бомбардировщик, чтобы разбомбить мое сердце.

Ей будет двадцать два года. Нет, двадцать. Нет, лучше всего — девятнадцать. Она будет юна и прекрасна. Ее голос будет высоким и чистым, как мелодия Сен-Санса в исполнении ансамбля скрипачей Большого театра. Она будет петь. Она будет петь и аккомпанировать себе на арфе. Она будет петь под арфу старинные романсы, и все кругом будут умирать от отчаянного восторга. А потом аплодировать и забрасывать ее с ног до головы алыми розами. Но она будет смотреть только на меня.

Она будет влюблена в меня пламенно и страстно. Она будет говорить мне: «Милый...» — и тереться щекой о мое плечо, как кошка. «Милый, — будет говорить она, — я никого не хочу видеть. Я стану играть на арфе только для тебя одного. Ты и я — мы вдвоем — разве это не счастье?»

— Счастье! — шепчу я. — Это настоящее счастье!

Я открываю глаза и вижу ее перед собой. Она стоит рядом, на балконе, длинноногая и голубоглазая. И вздрагивает ресницами, словно крыльями.

— Здравствуй, — говорит она голосом высоким и чистым, как мелодия Сен-Санса в исполнении ансамбля скрипачей Большого театра. — Милый...

— Здравствуй, — говорю я, вскакиваю, и едва не падаю через перила с балкона. — Ты кто?

— Я твой идеал, — отвечает она. — Ты хотел, чтобы я пришла, и вот я пришла. Ты доволен?

— Очень!.. Меня зовут Вася. А тебя?

— А меня — Изабелла.

— Правильно, — говорю я, — девушку из мечты должны звать Изабеллой...

И тут появляется моя жена с веником. У нее красное от кухни лицо и засаленный передник.

— Вася, — спрашивает она, — у нас что, гости?

— Да, — нервно тереблю я газету. — Это Изабелла — познакомься, Маша.

— Очень приятно, — говорит жена, хотя по голосу ее чувствуется, что ей совсем не приятно. — Вы Васина сослуживица?

— Нет, — говорит Изабелла. — Я — девушка его мечты.

— В каком смысле? — не понимает жена.

— Она шутит, — вмешиваюсь я. — Беллочка работает у нас в бухгалтерии... Она мимо по улице проходила — случайно, конечно, — а я ее заметил с балкона. И пригласил в гости, на чашку чая. Она сейчас выпьет чаю и уйдет...

— Милый, — говорит Изабелла, — зачем ты обманываешь эту бедную женщину? Почему ты не хочешь сказать ей правду?

— Какую правду? — взвиваюсь я. — Какую еще правду? Ведь ничего не было! Маша, поверь, между нами ничего не было!

— Не ври, — говорит Маша и берет веник наперевес, как винтовку. — Она назвала тебя «милый»! Я слышала!

— Глупости, — продолжаю выкручиваться я. — Глупости! Я не знаю ее и знать не хочу! Это ошибка. Неужели ты можешь верить, Маша, что я тебя когда-нибудь оставлю? Она сейчас уйдет. Правильно, Изабелла?

— Да, — говорит Изабелла грустно. — Я уйду. Навсегда... У тебя был единственный шанс в жизни, но ты его потерял...

Она спрыгивает с балкона, планирует на своих ресницах и гордой походкой идет по улице.

Маша садится на стул и плачет. Мне становится ее жалко, и я глажу ее по голове. Ведь еще неизвестно, умеет ли Изабелла так вкусно готовить борщ и так крепко пришивать пуговицы, как моя жена!..

Рисунки Алекса Димитрова

ЛЮБИМАЯ КУРЛЯНДКА АЛЕКСАНДРА I

Внучка знаменитого Бирона герцогиня Вильгельмина снискала не менее громкую славу, чем ее дед. За благосклонность курляндской герцогини соперничали император Александр I и австрийский канцлер Клемент фон Меттерних. Вильгельмина была помолвлена с сыном Суворова. Недолго побыла женой князя Трубецкого.

Курляндская принцесса Вильгельмина была замужем трижды и трижды разведена.

Ее великосветский салон в Вене на протяжении многих лет считался одним из главных культурных и политических центров австрийской столицы.

Во время Венского конгресса герцогиня Саган вместе со своим любовным другом — министром иностранных дел Австрии, очень влиятельным политиком Европы канцлером Меттернихом — во многом повлияла на политическое устройство послевоенной Европы.

Удивительную историю жизни этой курляндской принцессы, имя которой прочно вписано в историю Европы и чей бюст хранится в Рундальском дворце, «Субботе» рассказал директор этого музея Имант Ланцманис.

Внучка Бирона - лакомая невеста

Вильгельмина — старшая дочка Анны Шарлотты Доротеи фон Бирон и герцога Петра Бирона (который, по одной из версий, рожден императрицей Анной Иоанновной).

Принцесса Курляндская, герцогиня Саган Вильгельмина Бирон родилась 8 февраля 1781 года (то есть 231 год тому назад) в Елгавском дворце.

Детство Вильгельмины прошло в Курляндии — в основном в Елгаве. Девочку очень любил пожилой отец (она была его первым выжившим законным ребенком!), в

ней души не чаяла и молодая мама Известно, что Вильгельмина получила блестящее домашнее образование, знала несколько европейских языков, изучала историю и философию и обладала безупречными аристократическими манерами.

Счастье и несчастье Вильгельмины оказалось в том, что она была очень богатой невестой — одной из самых состоятельных в Европе. Девушка получила в наследство богатое Саганское герцогство (в Силезии), которое было куплено отцом в 1786 году и где проживали восемь тысяч(!) жителей. Кроме того, Бирон подарил любимой дочери уезд Наход в Богемии, в том числе богатый замок Ратиборжиц.

Роман с любовником мамы

К 16 годам курляндская принцесса Вильгельмина буквально расцвела. Она превратилась в высокую изящную особу с прекрасной фигурой, фарфоровой кожей, тонкими чертами лица, пышными волосами, густыми ресницами и алыми губами — смещение кровей сделало свое дело. К тому же девица имела яркий темперамент и особенное женское обаяние.

В то время она жила во дворце в Берлине, где блистательная светская дама — ее мама Анна Доротея Бирон держала популярный аристократический салон.

Анна Шарлотта Доротея Бирон,
урожденная фон Медем

И так случилось, что возлюбленный матери — родовитый шведский аристократ, генерал, перешедший в русское подданство, барон Густав Мориц Армфельдт влюбился в Вильгельмину. Между юной дочкой Доротеи и седым генералом возник бурный тайный роман...

Надо сказать, что Доротея простила Вильгельмину, которая фактически увела у нее сердечного друга. В 1801 году 19-летняя Вильгельмина в Гамбурге (куда отправилась якобы на лечение) родила здоровую дочку от любовника мамы, которую назвала Густавой.

Роды были очень тяжелыми и долгими, Вильгельмина едва выжила, потом долго лечилась, но на всю жизнь лишилась возможности иметь еще детей.

По словам Иманта Ланцманиса, новорожденную малышку отдали на воспитание родственникам отца — генерала Армфельдта (который был долго и прочно женат). К счастью, Густава (1800—1881) благополучно выросла, вышла замуж и до самой смерти жила в Финляндии в спокойствии и

Любовник матери Вильгельмины Густав
Армфельдт, от которого 19-летняя герцогиня
родила дочку.

достатке, а также оставила многочисленное потомство.

Между тем Вильгельмину в этом же 1800 году спешно выдали замуж (чтобы успокоить сплетни и слухи) за французского князя Жюля-Армана де Рогана-Гемене, который был беден и скитался по Европе в поисках богатой невесты. Скоропалительный брак оказался неудачным и закончился в 1805 году разводом.

Помолвка с сыном генералиссимуса Суворова

Впрочем, все в судьбе ветреной Вильгельмины могло сложиться иначе... дело в том, что в 1800 году фактически состоялась ее помолвка с сыном русского генералиссимуса Суворова — Аркадием Александровичем Суворовым-Рымникским.

За генералиссимусом Суворовым в доме курляндских принцесс усердно ухаживали. А сын писал друзьям, что особа, на которой остановился отцовский выбор, имела громкий титул герцогини Саганской, большое состояние, оценивавшееся в три миллиона, а еще молодость и красоту.

«Сходство лет, нрава и душевных свойств обещает сыну моему благополучный брак», — писал генералиссимус русскому государю.

Арка́дий Алекса́ндрович Суво́ров, генерал-лейтенант, граф Рымникский, сын великого русского полководца А. В. Суворова.

Дело о союзе Вильгельмины и Аркадия было решено на словах, но никак не оформлено документально. Траур в семействе невесты по случаю смерти отца Петра Бирона отсрочивал совершение брака на четыре месяца, а для составления брачного акта требовалось многое подготовить, в том числе получить от государя императора для будущей княгини Суворовой право выезда из России за границу — в свои владения.

Между тем генералиссимус Суворов заболел и к тому времени, когда кончался траур герцогини Саганской, умер. Понятно, что возможное бракосочетание его сына с курляндской принцессой опять откладывалось на долгий срок.

Видимо, сам Аркадий Суворов вовсе не горел желанием жениться на Вильгельмине (этого больше хотел его великий отец), поэтому свадьба расстроилась.

Год жизни с Василием Трубецким

В 1805 году Вильгельмина Бирон все-таки вышла замуж за русского дворянина — князя Василия Сергеевича Трубецкого (1776—1841). Не декабриста, нет.

Василий Сергеевич был лихим командиром, героем войны с Наполеоном, генералом кавалерии.

Скорее всего, боевой генерал Трубецкой был по-настоящему очарован, как теперь сказали бы, сексапильной курляндской герцогиней. Однако Вильгельмина не могла составить счастье его жизни — она была слишком другой... Поэтому супруги, не прожив вместе и года, расстались навсегда.

Вильгельмина, у которой за плечами было уже два неудачных брака, держала в Вене салон, где собиралась высшая аристократия. Она легко кружила головы многим дворянам, которые как бабочки кружили вокруг богатства и красоты этой молодой женщины.

Пис. Даффингер

Peint par Daffinger

Княгиня Екатерина Петровна
Трубецкая,
1781 — 1839

La Princesse Catherine Pétrowna
Troubetzkoi,
1781 — 1839

Симпатия Александра I, любовница канцлера Меттерниха

Историки считают, что самой большой и красивой любовью Вильгельмины был не кто иной, как австрийский канцлер Меттерних.

Самая большая любовь Вильгельмины — австрийский канцлер Клемент Венцель Лотар фон Меттерних, который был главным организатором Венского конгресса в 1815 году и который руководил политическим переустройством Европы после наполеоновских войн.

Хотя Вильгельмина была долгие годы знакома с Меттернихом, их сердечные отношения начались весной 1813 года. Сохранилась переписка (600 страстных писем) между канцлером и курляндской принцессой, которая сама по себе роман.

Вильгельмина в каком-то смысле разлучила Меттерниха с его давней любовницей — женой Багратиона Екатериной Скавронской, которая в 1810 году родила от канцлера дочь Клементину.

Современные историки выдвигают предположение, что Вильгельмина сильно не любила Наполеона и могла оттолкнуть австрийского канцлера Меттерниха от его осторожной профранцузской политики. Не случайно переговоры 1813 года об антинаполеоновской коалиции между Пруссией, Австрией и Россией были проведены в чешском замке Ратиборжиц, которым владела именно Вильгельмина!

Пик любовной страсти между Вильгельминой и Меттернихом пришелся как раз на период исторического Венского конгресса, где решались судьбы Европы.

Любопытный момент: во время Венского конгресса Екатерина Багратион, которую местная знать прозвала Русской Андромедой, и Курляндская Клеопатра Вильгельмина поселились в одной и той же гостинице Palais Palm. Любовный квадрат был предметом обсуждения всей Вены.

Более того — Вильгельмине явно симпатизировал российский император Александр I!

Российский император Александр I симпатизировал Курляндской Клеопатре, чем заставлял ревновать знаменитого дипломата — австрийского канцлера Меттерниха.

Однажды в припадке ревности Меттерних выдвинул герцогине Саганской Вильгельмине ультиматум по поводу приглашения русского царя на обед. «Или я, или царь!» — заявил он подруге. Но коварная Вильгельмина предпочла Александра I, чем только разожгла страсть Меттерниха

Бертель Торвальдсен
. «Бюст Вильгельмины Бирон» 1818

Интриги Венского бала

«Те хитрости, которые Александр I применил в начале Венского конгресса в борьбе с Меттернихом, были женские хитрости, — написал И. Чулков в книге «Императоры. Психологические портреты». — Желая выведать тайны лукавого канцлера, он овладел симпатиями сначала княжны Багратион, бывшей любовницы Меттерниха, а потом симпатиями герцогини Саган, к которой как раз в эпоху конгресса питал особую нежность сластолюбивый австрийский князь. Известно, что будущие творцы Священного союза ознакомились с отношениями в ту пору самой скандальной ссорой, и Меттерних в своих мемуарах, весьма,

впрочем, лживых, уверял даже, что Александр вызывал его на дуэль.

Прекрасная герцогиня Саган, — сообщает историк, — как говорят, сама преследовала ухаживаниями русского императора и даже однажды забралась к нему в карету, но он не захотел воспользоваться обстоятельствами... Еще через несколько дней у Александра случилось новое приключение: герцогине Саган удалось-таки добиться его благосклонности. Княгиня Багратион была в ярости! Меттерних ревновал, а Александр Павлович радовался как мальчишка, узнав о таковых чувствах знаменитого дипломата. В Вене острили: баварский король пьет за всех, вюртембергский король ест за всех, а русский царь любит за всех...»

Так или иначе, но после того как отшумел Венский конгресс, отношения австрийского канцлера Меттерниха с Вильгельминой сошли на нет. Меттерних вернулся к верной жене Элеоноре, которая была просто невероятно красива, но откровенно глупа.

Третий муж Вильгельмины

В истории все связано удивительным образом. После расставания с Меттернихом Вильгельмина вышла замуж за графа Карла Рудольфа фон Шуленбурга, прямой потомок которого через сто лет попытается убить Гитлера... Скорее всего, Вильгельмина в 1818 году сошлась с Рудольфом фон Шуленбургом из-за одиночества и необходимости, наконец, иметь сильное мужское плечо. Граф прекрасно управлял ее имениями и хорошо относился к супруге. Правда, этот брак в 1828 году тоже закончился крахом.

Увы, ни огромные деньги, ни замки, ни красота не принесли Вильгельмине настоящего женского счастья.

Вильгельмина весьма сожалела об отсутствии связи с дочерью Густавой, которую она невольно оттолкнула от себя. До самой смерти Вильгельмина очень заботилась о своих подданных, занималась благотворительностью. Ее особым покровительством пользовалась будущая знаменитая чешская писательница Божена Немцова.

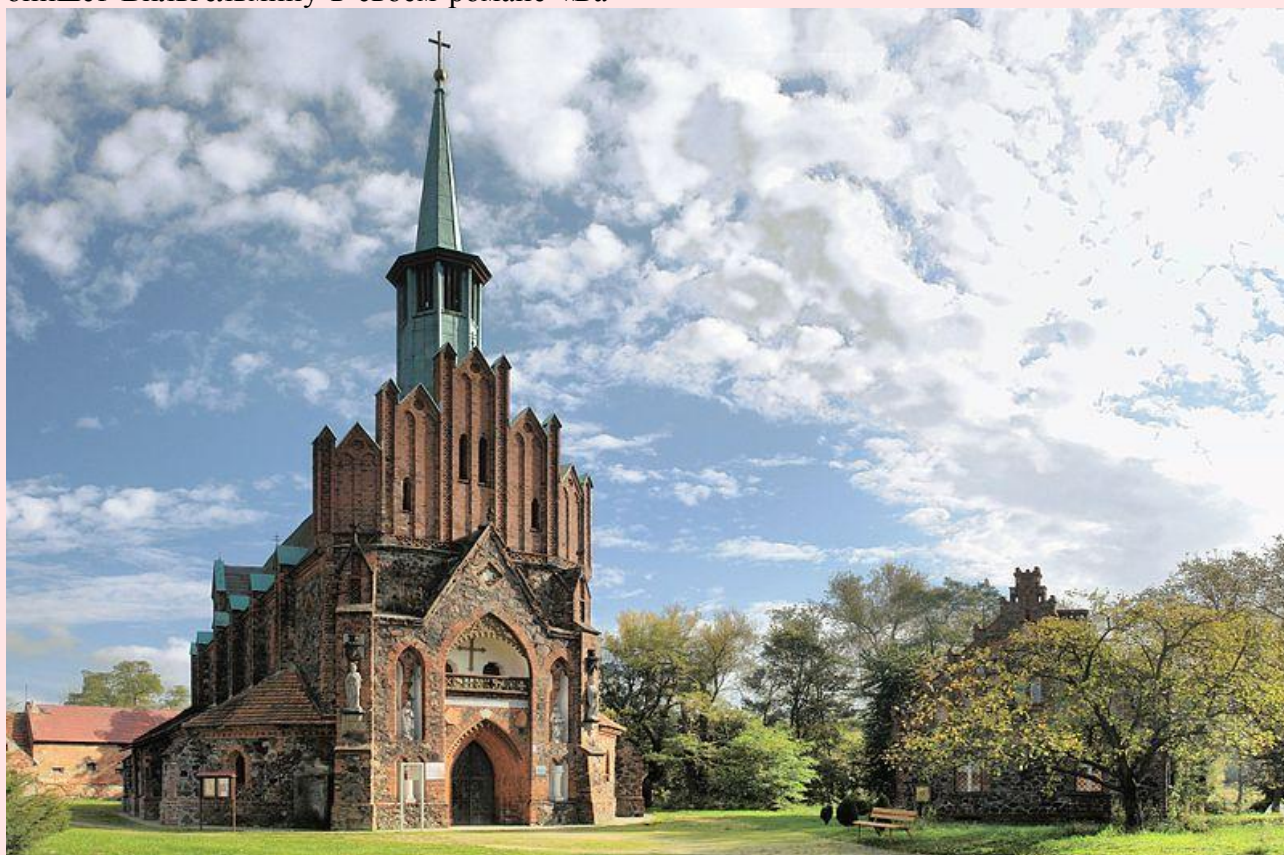
Согласно официальным документам, матерью Божены была ключница в замке Ратиборжиц. Но есть красивая легенда, что Божену родила Вильгельмина от канцлера Меттерниха или графа Карела Клам-Мартинича. По другой версии, Божена была племянницей Вильгельмины. Никто этого точно теперь не скажет. Важно, что Вильгельмина действительно заботилась о названной дочери и дала ей прекрасное образование.

Божена Немцова (портрет этой дамы украшает 500-крановую чешскую купюру) опишет Вильгельмину в своем романе «Ба-

бушка». Образ получился настолько трогательным, что в чешской культуре выражение «пани княжна» стало подразумевать собственно Вильгельмину. Эту книгу по сей день изучают в чешских школах, она переведена на русский...

Внучка Бирона Вильгельмина скончалась в 1839 году, а ее состояние перешло к родной сестре Полине. Но это еще одна захватывающая история о курляндских принцессах, которую мы расскажем вам в следующих выпусках.

Людмила Вевере

Не имея детей, Вильгельмина стала приемной матерью многим молодым девушкам. Ее особым покровительством пользовалась знаменитая чешская писательница Божена Немцова. Матерью писательницы, согласно официальным документам, была ключница в доме герцогини, и поэтому подозревают, что она была внебрачной дочерью, может быть, самой Вильгельмины и Меттерниха. Вильгельмина скончалась в 1839 году без законного потомства, и ее состояние отошло к сестре Павлине. Похоронены обе сестры в Крейцкирхе в Сагане.

P.S. Статья Людмилы Вевере была напечатана в № 2 от 11-17 января 2012 г. газеты «СУББОТА». В газете было опубликовано фото пяти медальонов работы неизвестного художника по портретам Йозефа Грасси представляющих Доротею и ее четырех дочерей, которых в Европе называли "курляндскими грациями". Эти медальоны находятся в собрании потомков Вавы (Густавы) Армфельдт в Финляндии. Мне, увы, не удалось найти фото медальонов нормального качества. Поэтому завершу эту статью небольшим семейным альбомом семейства фон Бирон.

Анна Шарлотта Доротея фон Медем,
Доротея фон Бирон, 1761-1821.
Портрет работы Марчелло Бакьярелли,
ок. 1795

Пётр Бирон 1724- 1800 — сын и преем-
ник Эрнста Иоганна Бирона, последний
герцог Курляндии

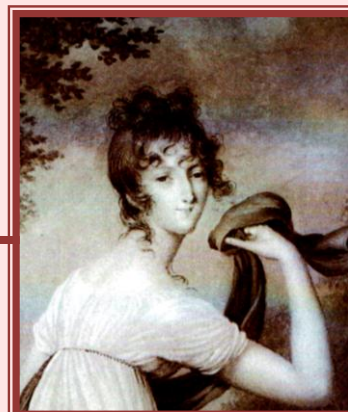

1781 – 1839

Катарина
Фридерика
Вильгельмина
Бенигна
фон Бирон

1782 – 1845

Мария
Луиза
Паулина
фон Бирон

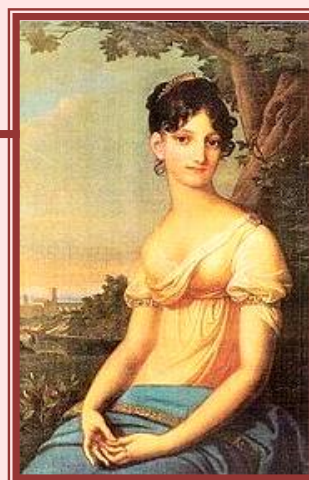
1783 – 1876

Иоганна
Катарина
фон Бирон

1793 – 1862

Доротея
Катарина
фон Бирон

Как снимают «НЛО» (шонги, орбы)...

Испокон веков всему тому, что не находило логического объяснения, приписывались мистические свойства. Так, например, древние обожествляли Солнце, и считали, что оно в своей большой ладье совершает ежедневные путешествия по небу. И даже теперь, спустя несколько веков после описания Коперником гелиоцентрической системы, существуют люди, сомневающиеся в её истинности – причина тому незнание элементарных законов физики. Поистине удивительно, что в век развития информационных технологий и квантовой физики не уделяется должное внимание просвещению – средства массовой информации в поисках сенсации зачастую прибегают к мистификации вполне объяснимых явлений и процессов. Эта статья, надеемся, восполнит некоторые пробелы.

Относительно недавно широкое развитие получила цифровая фотография: технологии совершенствуются, выпускаются новые модели как профессионального, так и любительского класса, цены на технику снижаются, и в результате многие могут без проблем позволить себе приобретение цифрового фотоаппарата. Ассортимент последних на рынке огромен – от дешевых бюджетных моделей с ограниченными функциями до дорогих профессиональных фотокамер с большим арсеналом качественной сменной оптики для них. В результате, кроме профессиональной и любительской съемки в последнее время растет класс так называемой «бытовой» съемки – современные бюджетные модели устроены так, что любому человеку, не знакомому с принципами фотографии, удастся сделать снимки, благо функционал камеры позволяет это осуществить одним нажатием на кнопку. О качестве таких снимков здесь речь идти не будет – речь же пойдет о следующем.

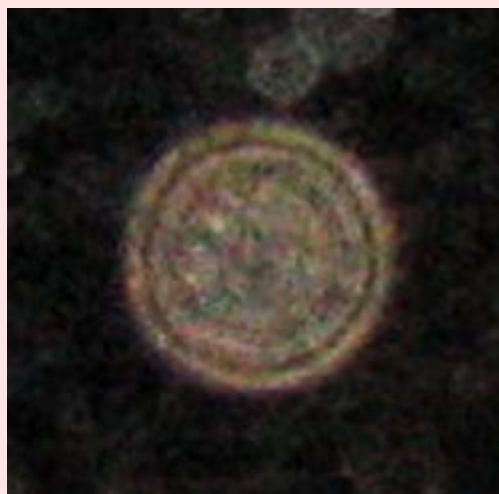

Рис. 1

Иногда на снимках обнаруживаются объекты с характерной структурой (рис. 1), которые визуальнo во время съемки не наблюдались. Какие только мнения не выдвигались относительно их природы: одни утверждают, будто бы цифровые фотоаппараты фиксируют души умерших, другие приписывают эти объекты полтергейсту, третьи – живым объектам из другого измерения, иные же настроены более скептически и объясняют эффект бликом от вспышки. Им даже придумали названия, причем и называют их по-разному: одни нарекли их «ШОНГами» (*шарообразными объектами неизвестного генезиса*), другие зовут «орбами» (*англ. orb – сфера, шар*), третьи – «пейн-объектами» (*от греческого протос эндос ноумен – первичная умопостигаемая субстанция, сущность*)... Давайте рассмотрим этот эффект подробнее и выясним, какова же его природа.

Во всех подобных снимках есть две общие особенности – съемка всегда ведется со вспышкой, и, как правило, компактными цифровыми фотокамерами. Логично предположить, что причиной эффекта является свет вспышки, отраженный не от «объекта из пятого измерения», а от мелкой взвешенной в воздухе частички, невидимой во время съемки ни через видоискатель, ни на дисплее камеры. Определимся, при каких условиях эффект будет наблюдаться.

Первое условие – наличие мелких частиц в воздухе в непосредственной близости от объектива. Это могут быть, например, частицы пыли, очень мелкие капельки воды в тумане или во влажном воздухе.

Второе условие – срабатывание вспышки, причем таким образом, чтобы её световой поток позволял подсветить взвешенные частицы в непосредственной близости от объектива. Почему именно так – узнаем, несколько углубившись в теорию фотографии.

Для начала дадим пояснения основным терминам.

Основной принцип цифровой фотографии заключается в переносе светового потока с фотографируемой области на чувствительный сенсор – матрицу с последующим преобразованием в цифровые данные и сохранением файла изображения.

Фокусное расстояние объектива – расстояние от его оптического центра до чувствительной поверхности (матрицы). Современные компактные аппараты имеют объективы с переменным фокусным расстоянием (рис. 2). От фокусного расстояния зависит угол зрения объектива.

Рис. 2.

против, максимальная глубина резкости, в таком случае и близкие, и наиболее удаленные объекты будут резкими. Этот параметр зависит от линейных размеров и количества точек матрицы, а также от фокусного расстояния и диафрагмы. Для компактных камер с малым фокусным расстоянием и небольшими размерами матрицы граница резкости переднего плана будет в нескольких сантиметрах от объектива, и будет приближаться к нему по мере увеличения диафрагменного числа и уменьшения фокусного расстояния.

Нерезкими на снимках будут те объекты, которые будут ближе границы резкости переднего плана и дальше границы заднего плана. В нашем случае задний план нам неинтересен, а граница переднего для компактных аппаратов составляет несколько сантиметров. Исходя из этих рассуждений, можно выделить некую условную «область расфокусировки», которую в нашем случае можно представить в виде сектора шара с радиусом, равным границе резкости переднего плана, с углом раствора, равным углу захвата объектива (заштрихованная область на рис. 3).

Фотовспышка представляет собой импульсную лампу с направленным световым потоком, который в приближении можно представить как конус. При использовании встроенной в аппарат вспышки большая часть области расфокусировки находится в зоне распространения основного светового потока вспышки, так как ось симметрии конуса этого потока недос-

Диафрагма объектива – механическое устройство, позволяющее уменьшить действенное отверстие объектива, что в свою очередь позволяет регулировать световой поток, проходящий через объектив. Выражается в виде диафрагменного числа (рис. 2), которое представляет собой отношение фокусного расстояния к диаметру действенного отверстия. Иногда диафрагменное число называют диафрагмой и обозначают FX, где вместо X подставляется само значение числа (напр. F2.8; F3.0 и т.д.).

В нашем случае достаточно важным будет и такое понятие, как глубина резкости. Она определяет границу резкости переднего и заднего плана при съемке объекта. К примеру, для съемки портретов глубина резкости нужна небольшая – чтобы подчеркнуть детали портрета, в таком случае задний план будет размытым; для съемки пейзажей нужна, на-

таточно удалена от главной оптической оси объектива. Тень, которую в момент вспышки отбрасывает объектив, незначительна и в основной объем области расфокусировки попадает большой пучок света (рис. 3, б).

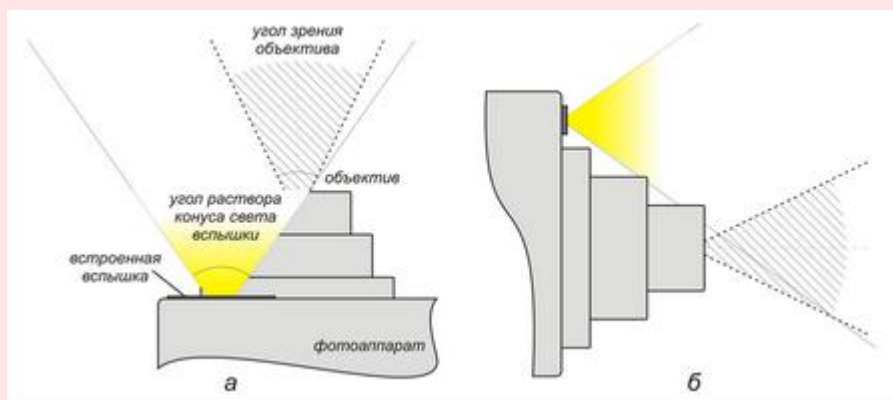

Рис. 3.

Мелкие частицы, попадающие в поток света от вспышки, находящиеся в непосредственной близости от неё в момент её срабатывания, получают столько световой энергии, что сами становятся вторым источником света. Если же при этом они окажутся в области расфокусировки, то матрица камеры зафиксирует их в виде вышеупомянутых объектов (рис. 4).

«Но, - возразит пытливый читатель, - может ли простой блик от вспышки иметь столь ярко выраженную структуру?» Проясним этот момент.

Все подобные объекты своей структурой обязаны явлению дифракции, которое заключается в том, что свет способен отклоняться от траектории прямолинейного распространения, огибая препятствия. Сравните один из подобных объектов с картиной дифракции на круглом отверстии (рис. 5).

Действительно, получив световую энергию от вспышки, мелкая взвешенная частица сама становится источником рассеянного света, который распространяется также и в направлении объектива. Картина, наблюдаемая на снимке –

Рис. 4.

Рис. 5.

не что иное, как дифракция на отверстии диафрагмы объектива. Число колец, называемых в оптике зонами Френеля, их количество и четкость зависит от диаметра отверстия диафрагмы, фокусного расстояния и расстояния между частицей и объективом. Приведем схему, иллюстрирующую это явление для случая, когда частица находится на главной оптической оси объектива (рис. 6). Эта схема сильно упрощена и далека от реальности (в реальности объектив представляет собой сложную систему линз), но достаточно наглядна.

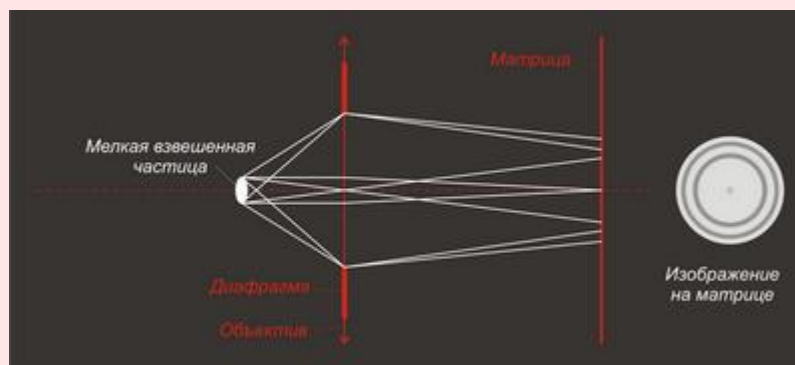

Рис. 6.

Иногда вокруг рассматриваемых объектов на снимках наблюдается цветная радужная оболочка. Это вызвано явлением дисперсии света – разложением света на спектральные составляющие, которое мы наблюдаем в радуге. Явление проявляется благодаря неидеальности оптики объектива. Даже дорогие объективы для профессиональных камер иногда вызывают подобное явление, называемое в фотографии хроматическими аберрациями, выражающееся в появлении цветной каймы вокруг контрастных объектов.

То, что объекты на снимках зачастую имеют неправильную форму, обусловлено формой взвешенных частиц и неидеальной оптикой объектива.

Описанный эффект нередко составляет проблему при съемке, особенно во влажных и пыльных помещениях. И в связи с этим возникает вопрос – как с ним бороться?

- Если это возможно, откажитесь от использования встроенной в аппарат вспышки. Отключайте её днем, когда автоматика определяет недостаточную освещенность. Устанавливайте экспозицию вручную, применяя при необходимости штатив.
- Используйте по возможности внешнюю вспышку, прикрыв встроенную непрозрачной «заглушкой» так, чтобы перекрыть часть светового потока в направлении объектива, оставив другую часть для синхронизации (рис. 7). Внешнюю вспышку располагайте так, чтобы область расфокусировки перед объективом не была подсвечена основным световым потоком.

Рис. 7

- Снимайте с широко открытой диафрагмой (*чем меньше диафрагменное число, тем шире открыта диафрагма*), так частицы, расположенные наиболее близко к объективу будут настолько расфокусированы, что на снимках не отобразятся, а более удаленные будут выглядеть мелкими дефектами.

В заключение отметим, что мы разобрали всего один эффект, вызывающий дефекты снимков – но именно он является источником мистификаций, число которых в последнее время растет. И если изложенное выше для вас звучит неубедительно, то можете провести эксперимент, снимая в темноте в облаке мелких капель воды, полученных, например, с помощью пульверизатора.

В. А. Довгошей.
(ТМ, 10/2009)

Талмуд, Сократ и двое в дымоходе

Молодой человек лет 25 пришёл к известному нью-йоркскому раввину и заявил, что хочет изучить Талмуд.

- Ты знаешь арамейский? - спросил раввин. - Нет. - А иврит? - Нет. - А Тору в детстве учил? - Нет, ребе. Но вы не волнуйтесь. Я закончил философский факультет Беркли и только что защитил диссертацию по логике в философии Сократа. А теперь, чтобы восполнить белые пятна в моих познаниях, я хочу немного поучить Талмуд. - Ты не готов учить Талмуд, - сказал раввин. - Это глубочайшая книга из всех, написанных людьми. Но раз ты настаиваешь, я устрою тебе тест на логику: справишься - буду с тобой заниматься. Молодой человек согласился, и раввин продолжил.

- Два человека спускаются по дымоходу. Один вылезает с чистым лицом, другой - с грязным. Кто из них пойдёт умываться?

У молодого философа глаза на лоб полезли. - Это тест на логику?! - Раввин кивнул.

- Ну, конечно, тот, у кого грязное лицо!

- Неправильно. Подумай логически: тот, у кого грязное лицо, посмотрит на того, у кого лицо чистое, и решит, что его лицо тоже чистое. А тот, у кого лицо чистое, посмотрит на того, у кого лицо грязное, решит, что сам тоже испачкался, и пойдёт умываться.

- Хитро придумано! - восхитился гость. - А ну-ка, ребе, дайте мне ещё один тест!

- Хорошо, юноша. Два человека спускаются по дымоходу. Один вылезает с чистым лицом, другой - с грязным. Кто из них пойдёт умываться?

- Но мы уже выяснили - тот, у кого лицо чистое!

- Неправильно. Оба пойдут умываться. Подумай логически: тот, у кого чистое лицо, посмотрит на того, у кого лицо грязное, и решит, что его лицо тоже грязное. А тот, у кого лицо грязное, увидит, что второй пошёл умываться, поймёт, что у него грязное лицо, и тоже пойдёт умываться.

- Я об этом не подумал! Поразительно - я допустил логическую ошибку! Ребе, давайте ещё один тест!

- Ладно. Два человека спускаются по дымоходу. Один вылезает с чистым лицом, другой - с грязным. Кто из них пойдёт умываться?

- Ну... Оба пойдут умываться.

- Неправильно. Умываться не пойдёт ни один из них. Подумай логически: тот, у кого лицо грязное, посмотрит на того, у кого лицо чистое, и не пойдёт умываться. А тот, у кого лицо чистое, увидит, что тот, у кого лицо грязное, не идёт умываться, поймёт, что его лицо чистое, и тоже не пойдёт умываться.

Молодой человек пришёл в отчаяние.- Ну поверьте, я смогу учить Талмуд! Спросите что-нибудь другое!

- Ладно. Два человека спускаются по дымоходу...

- О Господи! Ни один из них не пойдёт умываться!!!

- Неправильно. Теперь ты убедился, что знания логики Сократа недостаточно, чтобы учить Талмуд? Скажи мне, как может быть такое, чтобы два человека спускались по одной и той же трубе, и один из них испачкал лицо, а другой - нет?! Неужели ты не понимаешь? - Весь этот вопрос - бессмыслица, и если ты потратишь жизнь, отвечая на бессмысленные вопросы, то все твои ответы тоже будут лишены смысла!

Еврейская традиция не отвергает в принципе абстрактное мышление. Мудрецы стараются предусмотреть все возможные варианты, и ситуации, которые рассматриваются в Талмуде, иногда могут лежать в сфере маловероятного.

Но сама изучаемая проблема всегда должна иметь конкретный смысл и прочную опору в реальной жизни.

Раби, у меня такие проблемы, такие проблемы! Раби, я не могу с ними справиться! Что мне делать, Раби? Мойша, Бог каждому посылает проблемы по его силам. Так что одно из двух: либо ты можешь-таки справиться с проблемами, либо это не твои проблемы

<http://www.liveinternet.ru/photo/4396385/>

et_nihil@bk.ru

